

Тяжелый рок

Повесть

КУЧКА ДОМОВ сгрудилась в центре поля — огромного, в отдалении от леса и городов. Все сюрпризы ландшафта — лишь вниз (овраги, прочие рытвины). Тучи ползают по земле, как ядерный гриб взрыва каждая (но дождя можно и не дожидаться). Колосья и травы то задрожат, то замрут, как ненастоящие. Насекомые, птицы их жрут беспрепятственно, и не видать ни пугал, ни людей, стремящихся их защищать. Цепь столбов с электричеством убегает к другим.

Вечер. Грачи и вороны сидят на ржавой ванне, роются в жестяной банке — в общем, гуляют по той горе мусора (несъедобного, мебельного и тэ-пэ), что за южным краем деревни (пополняют ближние из дальних соседей).

До птиц доносятся звуки. Какой-то чердак включил музыку, рвет ею воздух. Rammstein или Marilyn Manson (выбираем, что кому по вкусу, и представляем с этой музыкой, потому что отсюда и до конца она почти не заткнется).

Окно его тоже слепым быть не хочет: врубило свет и показывает в деревянных квадратах девчонку лет 14—15, что прыгает в такт, скача из конца в конец своей комнаты, размахивает руками, трясет головой и, похоже, себя круто чувствует.

Скользим взглядом на этаж ниже и застаем там всю остальную деревню за праздничным столом. Что означает: несколько баб, несколько мужиков, серо-желтые зубы и лица, хлеб-огурцы-картошка-водка и все посыпает труха с потолка от 14/15-летних ног. Музыка ест электричество и разговор; лица киснут, а лампочка в потолке иногда чуть моргает. Женщина, здесь же рубящая салат спиной к гостям, косится на потолок, на мужчину во главе стола, откладывает нож и двигает к лестнице.

Поднимается на чердак, толкает дверь в гости к собственной дочери; сразу у двери на тумбочке — магнитофон; выключает его. Разворачивается, уходит.

Остановившись, Аня смотрит вслед. Волосы и глаза наэлектризованы. Обычный подросток — кто-то сочтет худой, кто-то в пределах нормы; лицо, за которое мама звала в детстве «рысь»; джинсы стародавние, водолазка тоже ветеран.

Больше в комнате делать нечего.

На лестницу — темень, скрип — на первый этаж, там люди говорят так тихо, что не разобрать, стук ножа о доску и то слышнее. Читай по позе и глазам: Аня не знает, разозлиться ей, хлопнув дверью, свалить или стоять скучать со всеми.

Все же на улицу. Фиолетово — нет, не настроенье, а небо. И тени. Трогать кроссовкой траву на соседском участке; заглядывать в ок-

на — но в них шторы, жалюзи, просто пыль...; перебирать ладонью палки заборов.

Тем временем кто-то доехал до свалки выбрасывать мебель. Навоевавшись с тем, что здесь называют дорогой, фургон выпускает пар и, кажется, хочет остаться здесь навсегда. Хозяевам не до него, они копошатся с бандурой, которую надо выкидывать.

Ноги и память ведут туда Аню: в детстве там отыскивались всякие волшебные вещи, а между ними кое-где растут цветы.

Еще тем временем скрип спиц в колесах (велик) близится с севера. Там где-то — поселок (Анина школа, работа мамы, магазин). На велике тетка с лицом вождя краснокожих, недовольным к тому же. С близкого расстоянья узнаем и что за спиной у ней полный мешок каких-то жестянок, гремящих, сталкиваясь.

Аня видит: так и есть, из ржавой трубы торчат клеверы и травинки. Еще она видит за углом холодильника двое мужчин устанавливают свое барахло в общей куче. Потом один отходит, вытирая пот со лба и замечает Аню. Исподлобья. Аня отводит взгляд, напускает скуку и, вроде изучив ландшафт, решает уйти вправо. Подходит второй, переглядываются с первым. Они, как и Аня, обычные — ни толстые, ни худые, ни молодые, ни старые, в белых майках и серых штанах.

Аня балансирует на куче ржавчины, стараясь не оступиться. Оглядывается — за ней идут, тоже со скучным прогулочным видом. Ускоряясь, больше скользишь, под тобой — скрипуче-визгливые звуки. А когда все-таки оступаешься, кто-то хватает за запястья и тащит обратно, а кто-то сдавил рот ладонью с заусенцами от мебели.

Птицы посматривают с расстоянья. Ждут, когда двуногие свалят с их территории. Если поискать, на этом складе найдется даже кровать, но долго искать не охота.

Тем временем Анины предки разлили по рюмкам еще одну порцию, лампочка в сотый раз вырубилась, кто-то сказал мужику во главе стола:

— Ну, Пальч, за тебя.

Добавляет старушечий голос (тихо):

— С днем Рожденьица.

Свалка скрипит. Велик доскрипел до нее тоже. Тетка на краю оврага (т. к. свалка в одном из оврагов) распугала птиц и отдыхает, руки в боки, глаза в небо — все то же, фиолетовое с ядерными тучами.

Бело-серый фургон там внизу газанул так, что консервную банку сдуло с горки, где та находилась. Из-под колес — фонтан песка, окрашивает вокруг травы, вещи и воздух. (Бесполезно, застрянет все равно). Но Аня этого не видит

и не думает — она отвернулась, сжавшись комочком.

Тетка спускается, стаптывая клевер, позвякивая.

За холодильником она найдет Аню, сидящую на земле. На дрожащих коленках дрожащие руки, пот между пальцев, клевер со лба норовит влезть в глаз. Волосы и глаза наэлектризованы (снова и больше). Просолить слезами женщине платье, прося помощи? Зарыться под мусор, в песок? Ведь нельзя первому встречному... Ждет реакции тетки.

Тетка смерила взглядом с полминуты. Отвернулась. Достала бывшую кастрюлю, с размаху швырнула в общую кучу. Шумно выдохнула. То же самое с бывшей сковородкой. И так дальше — видно, вся ее кухня по волшебству очоурилась в один день.

Наконец, Аня медленно, спотыкаясь и скручиваясь, словно хочет себе что-то вывихнуть, встает и утопывает.

Женщина, проводив ее прищуром, без свидетелей еще сильнее засандаливает свою рухлядь. На каждый бросок — выдох вроде «Киияя».

* * *

В сумерках кажется, мы на болоте. И Аня пробирается по кочкам.

Толкаем дверь в дом — попадаем в еще одни сумерки. И в песню: «На поле танки грохотали», «Ой, то не вечер, то не вечер», «Хэпи бездэй ту ю», «Ой, мороз, мороз» — выбирай на вкус. Только песня, даже если веселая (особенно если веселая) поется тихо, протяжно и, естественно, вразной.

Как только Ане остается три шага до стола, загорается лампочка. Муха, засидевшаяся на ней, подгорает и падает в рюмку — ее не видят (если видят, то не реагируют). На Аню не реагируют тоже. Свет расскажет нам, что она умудрилась угваздать кроссовки и джинсы не больше, чем от любой другой сельской прогулки.

Мать к ней спиной; похоже, доготовив, плюхнулась на стул и сидит теперь без движенья. Аня к ней тянется пальцами (грязь под ногтями), но не знает, имеет ли право теперь прикасаться к другим.

— Mam? (дотронувшись, наконец, до плеча)

Песня не прекращается, мать, закрыв и открыв глаза, так, чтоб слышала только Аня:

— Дочь, я устала, как шавка, ты видишь?

— О! Аню-ута (один мужик, просыпаясь, не к месту громко), как жизнь? Как дела? Давай рассказывай.

Лицо у Ани передергивает. Шаг назад.

Еще несколько глаз цепляются за нее. Остальные поют.

— Мам.

— (оборачиваясь) Ну что?

Глаза не отцепляются (им лень), и Аня молчит.

Мать (через силу):

— Уроки сделала?

Убежать или выгнать маму из-за стола?

Мать (отвернувшись):

— Давай завтра... поговорим.

* * *

Оказывается, бежать теперь не получается физически. Аня дотопывает на чердак и врубает магнитофон. Стоит напротив двери, ждет.

Люди внизу в большинстве своем в том состоянии, что ни музыка, ни набат, ни воздушная тревога их не сдвинет. Мать, впрочем, косится на потолок, скривив губы. Но стоит ей встать со стула, как тот самый мужик, что проснулся некстати, улыбается:

— Слышь, Нинк, да оставь ты... Ее дело молодое... здоровое...

Мать косится на мужика во главе стола. Тот толкает соседям о чем-то с чувством, с мхатовскими паузами, с поднятым в нужном месте пальцем.

Мать (воздуху):

— Ну, если вам не мешает...

Садится обратно.

Аня продолжает гипнотизировать дверь. Музыка затопляет собой весь чердак. Но Аня больше, естественно, слушает свое тело. Спустя какое-то время садится на пол, следит за дверью оттуда. Спустя еще время разглядывает комнату, как будто видит все впервые. Она живет тут всю жизнь, и все побывавшие у ней в этой жизни вещи где-то тут и остались: под кроватью, на шкафу, в недрах мебели... Потом разглядывает собственные руки, тоже как незнакомые, ноги, спрыгнувшую на лицо прядь волос...

Потом корчится на полу; потом валяется на полу; потом лежит в другой позе... Плачет, в конце концов.

Потом вечер сгущается в ночь: на улице... в комнате... Аня лежит на спине и потолок тоже в первый раз видит.

Гости расходятся по домам. Луны и звезд из-за туч, как обычно, не видно; фонари горят не все — так что люди, перешагнувшие зону света от окон, тотчас исчезают и невидимками шуршат в темноте к окнам.

На чердаке — щелчок, громкий. Кассета кончилась — магнитофон отрубился. Видно, не в

первый раз за вечер, но на сей раз Аня не поползет включать заново. Теперь слышно мышь где-то в доме. Из травы — стрекот, истошный. Через равные промежутки, по три/четыре, стакато, высокие «у» — удод. Можно приложить ухо к полу (как в сказке — к земле).

Мать там внизу тащит опирающегося на нее отца (мужик во главе стола) спать. Отец (с гигантскими паузами, с остатками чувства):

— Девочки... вы знаете... папа вас любит... Папа в обиду... не даст... За вас с Анькой... глотку порвет.

Скрежет последних слов лишил его собственной глотки. Пауза затянулась. Мать в это время укладывала его на кровать, стаскивала носки, укрывала пледом. Лицо ее выжато за весь день и отказывается выражать что-то. Как и голос:

— Сначала сердце вылечи.

Мать, похоже, могла быть красивой (или когда-то была), а отец с бородой поседел раньше времени.

Аня лежит без движенья, только глаза «говорят». Зато родители замолчали. Если сквозь щели в полу был какой-нибудь свет, он теперь гаснет.

Чернота.

* * *

Чернота ночью в бане, лишь плеск воды, яростный, долгий, всхлипы. Кожа, с которой отдраивают всю жизнь — если только такое можно услышать. Ногти, которые сняли б ее целиком — но проблема не в ней, а внутри, слишком глубоко, навсегда теперь.

* * *

Чернота.

Через время на улице она проясняется в синий. Потом — все другие цвета. Серые дома проклевываются, белые, выцветше-голубые, коричневые, потускневше-зеленые... Холодные летние дачи, пустые сараи. Птиц, коров если кто-то и держит, то где-нибудь в тайне (всех кормит поселок на севере). Лениво дымят две-три трубы. Все растущее в огородах зябко подрагивает (все растущее не в огородах — тоже).

Знакомая мамы орет возле дома:

— Нинк, ты что, не идешь? Опоздаем.

Это сбрасывает мать с кровати. Приговаривая то «Черт!», то «Боже!», она пытается обратиться на работу как можно быстрее (конечно, ее еще стискивает Вчера).

Аня с красными глазами ждет на лестнице. Лижет губы и ловит ртом воздух, чтобы сказать:

— Мам... С добрым утром...

Мать, оторвавшись (но лишь на мгновение, для вида):

— А ты чего так рано?

Аня ищет слова, силу воли, издает что-то вроде «Ам»...

Дверь на улицу со свистом настежь, выпускает тетку и ее вопль:

— Ничего, что без стука?

Мать:

— Иду-иду.

Аня:

— Стой!

Но мать в это время в другой комнате и не видит, как выглядит ее дочь, а по голосу слышно лишь только, что что-то в нем дрогнуло.

Мать (почти иронично, почти с надеждой):

— А завод сегодня тоже постоит? (выбирая (хоть и в темпе), с каким платком ей красивей) Есть потом будем тебя.

Выходит в сени (где тетка) и, вдруг задумавшись, бросает в комнату:

— Может, посуду помоешь, раз раньше проснулась? (ей не отвечают) А?

Тетка:

— Бежим.

Мать (в дверях):

— В школу не опоздай!

Убегают.

Аня все это время сидит на ступеньках, как зомби. Тело вроде бы и ее, но она в нем способна быть только в башке (в маленьком, раскаленном, болящем пространстве), остальное испорчено.

Из другой комнаты — храп отца.

* * *

Ветерок. Остановка. Лопухи и крапива ее окружили, но не хотят нападать. Расписание на желтой табличке. Утром и вечером тут проезжают два кругленьких старых автобуса с отодранной передней железякой (раздевшей колесики, цепи, прочие внутренности в работе). На первом уезжает мать, на втором через полчаса-час-полтора — Аня.

Смотрит в трясущееся окно: мимо едут туман в овражках; охра-сери-коричневый плед на земле и все прочее, дальше, дальше. Автобус тархтит. Жители более дальних углов спят, привалясь к стеклу, к поролону. Остановка, заходит старушка, нависает над Аней (хотя всегда есть другие дети — и младше, и старше):

— Старшим уступать кто будет?

Аня встает, продолжает смотреть на поля стоя. (Решила все-таки не прогуливать школу сегодня).

Ее выход, поселок городского типа не прочь стать мелким городом. Повыше и одноцветней дома, можно деревья нарыть (листья вечно ссыпаются раньше времени, сейчас, в сентябре все уже полуголые), нет своих транспорта и больницы. Асфальт сморщил лоб — лоб потрескался, кое-где ощетиная травой.

Над всем этим разбухает взрывной гриб (ту-ча; привычно).

Школа — холодно-голубое зданье, забор лишь с одной стороны. Компания старшеклассников мимо: (друг другу) «Вы на урок или квасить?»; (кто-то, Ане) «Салют, деревня!»

Квасить — это значит вон в тот сарай рядом со школой, где по идее хранят всякий спортивный инвентарь.

На крыльце школы — Машка; сидит на бетонных ступеньках в тени, разложив вокруг постеры из журнала «Все звезды» — режет, клеит идеал кумира.

— Привет... — Аня, обняв себя за предплечья (знобит).

Машка машет рукой.

— А где Катя?

— В лучших мирах.

— Уже?!

— Еще. Со вчерашнего.

В лучших мирах — это тоже значит в сарае, или дома; глаза Ани мокнут, смотря туда. (Двери сарая съедают еще пару учеников).

* * *

В классе гудят лампы, желтые и зеленая, в углу.

Под ней — мальчишки, завсегдатаи сарая. Один чуть заметно качается влево-вправо, остальных от него разбирает смех (хоть в кулак прячь, хоть в парту). Хорошо хоть глаза у того почти слиплись; чтоб слипались быстрее, ему на них нахлобучивают кашпошон и, чтоб не привлечь чертова вниманье, прислоняют его к стенке...

Из окон можно подсмотреть, как тянется к небу труба маминого завода, дыша паром от напруги.

Биологичка читает любовный роман у себя за столом. Остальные — вроде как учебники.

Аня потеряна, за пустой партой, не разбирая рюкзак. Руки мерзнут, глазам и мозгам жарко.

Дверь с облупленной краской зевает — на ней висит Катя (вернее, въезжает в класс), радостная. Аня и парни под лампой ее узнают.

— Здрассте.

— 20 минут опозданье. Два. Читаем учебник, параграф три.

Проходит, плюхается, обнимает Аню, шепотом:

— Салют, Мелоди! — Разбирая рюкзак, улыбаясь. — Так. Я сегодня не здесь. Если кто будет спрашивать, ты придумаешь что-нибудь, да?

Кладет голову ей на плечо, вытягивает ноги, продолжая улыбаться.

— А ты не вернешься... поговорить?

На плече — довольное сопенье; в глазах у Кати отражаются лампы (не вернется, конечно, ей так хорошо). Если Аня заплачет, слез никто не почувствует.

* * *

В коридоре, стуча, мелькают бегущие ноги — одни единственные, в древних джинсах: на верхнем этаже почти не бывает уроков. Серый паркет, потолок тоже кажется серым. В конце коридора — окно.

Перед ним Аня тормозит. У нее с собой только маркер. Влезает коленями на подоконник (растревожив пыль, краску, сушеную муху). Пишет по стеклам *«Меня вчера изнасиловали»*. Смотрит сквозь запись на мир.

Мир — это задний двор школы, впритирку к задним дворам домов; здесь — трава, там — белье на веревках; отсюда сюда снесло красные труселя, дворняги дерутся за них; охранник на эту корриду глядит, как обычно, с бревна, где сидит весь день, руки и подбородок — на трость.

Аня открывает окно — оно стучается об стену, с внешней стороны (странно, что не отваливается). Ноги — на улицу.

Выдох, вдох. Собаки будут ее есть? Охранник увидит первым. Осталось только передвинуться и руки отцепить от рам.

Тут в ушах раздается музыка. Все та же вчерашняя (в смысле песня другая, а группа все та же). Собаки дерутся в такт, охранник кивает в такт (или стучит пальцем по набалдашнику трости).

Аня осторожно поворачивает голову — в ту сторону, с которой ей воткнули в ухо плеер. Второй наушник оказывается у парня, который с утра все смешил «друзей из сарая». После того урока его притащили сюда отоспаться до вечера. Сейчас он уже в состоянии Кати.

— Песня клевая, да?

Мы слышим, как и Аня, и его, и песню.

— Моя любимая группа.

...

— Ага. Моя тоже.

...

— А ты че, уходишь?.. Дослушай сначала. Клево же.

...Аня перелезает обратно. Сидят на полу, с потусторонними глазами оба. Слушают. Чуть дрожат. Будь он девчонкой, Аня, может быть,

подумала бы ему показать окно... Будь она тут попозже, он бы, может, подумал ее пригласить в лучшие миры...

* * *

После уроков. Туча цвета плесени висит над сараем и школой. Сквозь нее плесневеют птицы и солнце.

На крыльце Катя вновь обнимает Аню, скавав: «Не пойдешь, точно? Ну, пока». Убегает.

На ступеньках опять сидит Машка. Дымит. Зачем-то решает сказать:

— Вот ты с ней общаешься, а она у меня парня отбила.

Аня оборачивается.

Машка (равнодушно):

— Не общайся с ней.

Аня — вдох — выдох — :

— Слушай...

Но тут ее наэлектризованные, поблуждав по двору, натываются на объект за забором...

Вчерашняя тетка (в тусклом шмотье, но с горящим лицом (вождя краснокожих)). Курсировала мимо, тоже блуждая сердитыми по двору — наткнулась на Аню. Почти как столкновение машин.

...Аня идет к тетке. Тетка отводит глаза (и лицо с ними).

Машка со своей лестницы:

— Эй, ты че? Тоже...? (это значит «не в адеквате»)

Аня идет, тетка тоже идет — верней сказать, сваливает. И когда Аня в точке, где они друг друга засекали, тетки не видно ни в точке, ни на прямой по дороге, ни в квадратах дверей, окон, ни в треугольниках веток, ни в кругах — верней, тех фигурках, что учится выпускать Машка где-то там сзади, как взрослая.

* * *

Гул. Накатывает, как прибой, волнами. Только не море, а скрежет механизмов, и сирены, естественно, не древнегреческие. Из каждого кирпича и из окон, хотя в них толстые стекла, течет этот звук — потому на территории завода, кроме него самого, ни черта не слышать.

Фасад: углы обиты мхом. Внутри: стекло непрозрачно, кажется, что мы в бутылке. И там, и там пятна краски.

Люди привыкли общаться жестами.

Двое рабочих нецензурно, руками: «Пошел ты!»

Бабка-уборщица, глазами и головой: «Задолбали».

При входе в помещенье, один другому, рукой: «Прошу» (ногой придерживая дверь). Если кто-то стоит на проходе, его можно просто пнуть в задницу.

Впрочем, в основном, все, конечно, молчат и делают повторяемые движенья, за которые им и платят — все как должно.

А вот мать Ани, пользуясь всеобщей занятостью и глухостью, урывает минутку и со знакомым очкариком изменяет отцу (где-нибудь у стены, стоя, молча (хотя орать тут можно во весь голос — повторим, ничего не слышно)).

Гул ползет к небу по трубам, но никогда не доползает.

* * *

Тишина опять.

Ане — домой пешком. Вдоль дороги, походкой ребенка. Дорога пуста, только что-то то здесь, то там пробегает в колосьях — воздух, птицы. Аня вся — слух и зренье, если что-то проедет за три километра, почувствует кожей.

Вот и оно: грузовик. Далеко еще, но птица, гулявшая по обочине, сигает в траву. Аня такая же — отдирает расширенные зрачки от машины и — в поле.

Бежит, разгребая колосья, расшвыривая кузнечиков. Шорох. Грохот грузовика. То и дело спотыкаешься.

На дорогу лучше не возвращаться.

Когда деревья в зоне видимости — грохаеться опять. Весь путь — дыханье, кашель. Колосья набились в карманы, ботинки и в волосы.

Обернуться (почувствовав что-то сзади).

Там, в паре метров от нее, лежит сосед. На пузе, как будто охотится, смотрит в бинокль на дорогу. Поворачивает мохнатую голову, смотрит в бинокль на Аню.

Аня хочет сбежать.

— Анечка? Здравствуй. Ты — в цивилизацию или обратно?

— Здравствуйте (снова хочет сбежать).

— А можно тебя попросить? (снова смотрит в бинокль на дорогу) Вот в цивилизации есть к... коньяк в магазинах. Что за штука такая — вот бы попробовать. Если я тебе денег дам... ты не купишь мне?

Аня уже отошла на приличное расстояние, но все-таки решает сказать (неуверенно, обернувшись):

— Несовершеннолетним не продадут.

Сосед вздыхает.

Аня идет домой.

* * *

Дом слышно за несколько метров. Стены вместо скрипа шипят о преступлениях — там внутри смотрят новости. Кажется, это телек шевелит занавески в окне и траву в огороде.

Аня заходит, с ней вместе заносит перекаати-поле. Идет на свет и звук экрана (почти не скрипя половицами).

В комнате пусто, но телек работает.

Перекаати-поле гуляет по первому этажу.

Аня заглядывает в соседнюю комнату — отца. Кажется, спит. Рядом с кроватью — табуретка, на ней остатки завтрака.

Возвращается, выключает TV.

— Эй, какого хрена ты выключила?! Я слушаю.

Включает опять.

Телевизор, задыхаясь белым шумом, раскаивается, что «...замешана оказалась милиция».

Отец (бурчит под нос):

— Милиция, ха! Никому нельзя верить.

Впечатленье, что в мебели, в телевизоре спрятались часы без еды, сна, но с нервами — теперь отовсюду выпрыгивают, бьют Аню в голову, в живот...

Добирается до своей комнаты; не снимая одежды, кроссовок и даже рюкзак, падает на кровать.

Там внизу — кажется — живет только старенький телевизор. И ничего не меняется.

Аня кладет рюкзак под голову, отгибает край пледа, пытается им укрыться и в позе эмбриона отключается.

За окном солнце катится к вечеру (к черту) между дымными пятнами (туч). Поле от этого как шкура пятнистого животного — клок под солнцем, клок под тучей — дышит, шерстинка к шерстинке. Потом сереет. Потом чернеет.

* * *

— И что, жрать никто не пойдет?!

Вечер, почти уже ночь. Мамин крик будит Аню. Окно — черный квадрат, ветер свистит и где-то псине тоскливо.

— Всем плохо, а мне хорошо, так понимать вас?! (иногда после работы она любит покричать: значит, устала меньше, чем обычно) За весь день посуду помыть было сложно?! (когда она так ходит по дому и чистит глотку, выглядит моложе; и моложе звучит — все лампочки моргают там, где пройдет) Эй, ты, тело! (бухает кулаком в косяк отцовской комнаты (отзывается лампочка)... передумывает, идет на чердак) А ты... (отбывает дверь к стенке, врубает свет, проносится взглядом по комнате) Че за срач у тебя в комнате?! В грязной одежде на кровати —

ты у нас теперь что, животное?! Ты же девушка все-таки; или кто?!

Гасит свет, уходит опять, хлопнув дверью.

Аня дрожит, как стиральная машина, под своим пледом, взглядом уткнувшись в окно. Двигаться и говорить больно.

Ветер, как пьяный любовник, стучит в окно со свистом.

Мать, внизу:

— Ну и пошли вы! Ни с кем не буду разговаривать.

Потом она, впрочем, плачет за мытьем посуды — но о таком, как всегда, никто не узнает.

* * *

Ночью к соседской антенне подполз новый ядерный гриб. И полночи висел, думал: простирнуть ли соседям забор. Тысячи глазок в поле следили за ним, ждав решенья. Дождались только утра — здесь часто бывает так, все же знают.

* * *

Утром Аня роется под кроватью. Выгребает какие-то пыльные старые вещи. Наконец, рука набредает на нужную — плеер. Кассетный, кнопка для перемотки назад отвалилась, другую деталь Аня тут же приматывает скотчем.

Сначала она слышит голос:

— Вот теперь, девочка, ты человек.

Потом приходит и картинка. Напротив, как раз на кровати, сидит Дед Мороз, в кирзачах и камуфляже под костюмом, дарит ей этот плеер. Ане — лет пять. Морозу — лет восемнадцать.

— Спасибо. — Она разбирает коробку, он хочет уйти за обещанным вознаграждением. — Костя, а как этим пользоваться?

Дед Мороз усмехается в ватную бороду, отчего та совсем сползает набок, садится обратно показывать.

— Так. А есть че послушать-то?

— М-м, — мотаает головой.

— Блин. Ну на тогда мою. Забирай. С Новым годом.

Так и появился у нее первый альбом Раммштайн или Мэнсона. Вон он, собственно, ближе к магнитофону и по сей день.

Со дна картонной коробки Аня извлекает батарейки.

* * *

Внизу мать (с обвисшими плечами, руками, прядями, грудью, складками платья) почти сбралась на работу.

Аня спускается на кухню.

Осматривает продукты и ложки, как замороженных животных.

Мать, проходя мимо двери:

— Дочь? (на самом деле этот вопрос значит «че опять так рано?»)

Дочь подходит к окну, с ним рядом — корзина со старыми невымытыми яблоками. Берет одно, осторожно кусает кусочек.

— Куда грязное?!

Аня кладет фрукт обратно. Смотрит в окно. Утро — густо-синее, в мушиных точках из-за стекла.

Мать подхватывает сумки, идет к сеням. ...Но в одном из дверных проемов ее останавливает:

— А ты что-то хотела сказать... вчера... утром... нет?

Под окном проползает туман. В углах комнат еще совсем темень. Аня ковыряет бочки на яблоках бледным пальцем. Принимает решение: — Нет. Ничего.

Мать свела брови — странно, что они не дрожат еще. Уходит, оглядываясь.

* * *

В автобусе Аня приваливается к стеклу, и хотя ее лоб и плечо от этого трясутся и ударяются то и дело, делает вид, что спит. Из-под прикрытых век смотрит на пыль под колесами, на останках открывает глаза, стреляет во входящих (пока те не видят ее), закрывает опять.

* * *

— Ну что ж... сегодня разбираем сложные случаи. Из вас, теперешних школьников, почти никто не справляется почему-то. А между тем они часто встречаются в контрольных.

Алгебру ведет биологичка, и тут уж ей приходится пачкать пальцы мелом — от этого голос такой сочувственный, а взгляд все время норовит остаться под ногтями (с забившимся туда мелом).

— Что вот мы будем делать с этим примером?

Дальше она берет книжку (чуть не спутав с любовным романом), диктует цифры и знаки, строку невысказанной длины и абстракции.

На середине строки Аня жмет play, тоже с середины песни (и нам, если позволите, слышно музыку, а не математику). Маскирует наушники волосами. Смотрит в окно: туча тянет опухшую лапу к дыму из заводской трубы. Между ними блестит нитка и паучок на ней — на самом деле между Аней и окном (просто включили

ближнее зрение). Потом дым меняет форму и за спиной паучка обнаруживается солнце (особенно, если слушаем «Sonne»).

* * *

Продолжаем слушать и на уроке физ-ры. То же солнце маломощно светит в школьный двор, где все бегают по кругу, наклоняются в стороны, приседают — и все в такт. Физрук гуляет со свистком вслед за солнцем — оно то спрячется в тучи, то выползет вновь — так что, как ни старайся, все равно в основном ты в тени. Аня прикрепила плеер к треникам, и вроде это никого не волнует.

* * *

На следующем уроке приходится перематывать кассету вручную, карандашом. Чем Аня и занята под партой (только мы и жвачка, приклеенная к крышке парты с обратной стороны, могли бы об этом рассказать).

* * *

После уроков. Там, где кончаются дома и начинаются поля. Аня, уйдя не так далеко вдоль дороги... оборачивается... У последнего дома стоит тетка с лицом вождя краснокожих. Слишком далеко, чтобы здороваться, но узнать в лицо можно. От нее из поселка Ане приносит пару шуршащих коричневых листьев. Колосья трясутся, как будто от смеха. Аня глядит настороженно, еще настороженней отворачивается, идет дальше, зная, что тетка все там же. Тетка стоит, смотрит так, что не прочесть ее мысли, как ни пыхти (например, мысль: могла ли она быть вместо Ани?).

* * *

В деревне отец сидит перед домом, вертя ножом — делает какое-то упражнение на ловкость рук (кромсает тучи, если смотреть его глазами). Трава поблекла и дрожит от страха.

— О, видишь, как, — говорит он старику-соседу, сидящему рядом.

Сосед вразвалочку, смолит. Аня стоит у забора (тонкая белая статуя).

Отец порезался — вскрип (типа кабаньего).

Аня не движется, сосед тоже. Отец:

— Мда... Раньше было разплюнуть.

— Че ж, — философствует сосед. — Ты ж теперь не работаешь.

Аня проходит в дом. В дверях до нее долетает соседово:

— Спасибо скажи, что оглох не совсем. На заводе-то все глухнут...

* * *

Вечером, когда все в поле в очередной раз ждут дождя (а в воздухе, кажется, наконец что-то копится, похожее на воду), птица на проводах поворачивает клюв к знакомому чердаку: там опять включили музыку. Правда, тут же заходит мать:

— Дочь, ты совсем обнаглела? Отцу плохо. Выключай эти вопли.

Тут же сама выключает, уходит, все как всегда. Услышав всего пару тактов, птица отворачивается, решив, наверно, что там убили животное. Аня сидит на кровати в развале учебников. Делает уроки или вид, что делает их.

* * *

Ночь.

* * *

День.

* * *

Дождь, наконец.

* * *

Снова сухо.

* * *

Рыжий закат, рыжие песок и глина, рыжее поле. Аня слышит машину, идя по дороге. Легковушка приближается. Аня дрожит. Птицы и насекомые сваливают. Но Аня заставляет себя оставаться на месте, только глаза зажмурены и нога на носке. Звук и ветер — мимо — обдали песком. Удаляются. Не слышно — можно открыть глаза.

* * *

Воскресным утром мать выходит из дома в туман с жестяным тазом. Развешивает белье на леску от забора до стены. Аня ходит рядом с туалетом, в котором кого-то рвет. В конце концов, уныло:

— Ты скоро?

Ей по понятным причинам не отвечают. Мать у себя там лишь фыркает, неодобрительно.

* * *

Днем опять хлещет дождь. Слушаем Анина плеер, сидя с ней на подоконнике (тихо, так, что и дождь тоже слышно).

Где-то вдали, по другому окну сейчас тоже ползают капли, а карниз на улице стал тарелкой (музыкальной, естественно). С внутренней стороны пытались отдраить «*Меня вчера изнасиловали*» — не получилось, только покрыли царапинами. А под этим — новое, свежее «*Поздравляем*».

* * *

Продолжаем слушать, сказав «Можно выйти?» и бродя теперь по коридору первого этажа (серый, как и на верхнем (свет везде экономят)) туда-обратно.

С улицы вбегают Катька и еще кто-то из компании сарайных. Сквозь песню:

— Опоздали, опять?

— Бляха-муха.

— Может, не пойдем?

Смеются, уходят обратно.

* * *

Физ-ра. Пока без музыки. Перед уроком. Птицы носятся наперегонки, чтоб согреться или найти, где небо не обито серой ватой. На бревне, где обычно торчит охранник, теперь сидят Катька и Машка. На них орет физрук:

— Че значит «нельзя заниматься»? Вам вторую неделю нельзя!

Катька разводит руками, с ухмылкой. Машка не отрывается от дел: вытянула ноги, что-то пишет на джинсах.

Физрук:

— Тьфу! (под нос) Медсестры на вас нет, (тут же, громче) шас уборщицу позову — ей будете показывать, как вам нельзя заниматься! (отойдя) Нет, директрису.

Так как никого этот старый хмырь звать не будет, Катька довольно потягивается.

Мимо — Аня, в спортивной форме.

— Мелоди, ты не с нами?

Мелоди замирает. Будто над ней висит что-то очень опасное. Не знает, куда деть глаза, руки, губы. Наконец, мотает головой, что значит не столько «нет», сколько «не хочу об этом думать». Отходит.

* * *

Вечер. Бетонный квадрат с одной дверью (окно задвинуто шкафом) и одной таблеткой-

лампой в потолке (внутри, кроме лампочки, дохлые мухи). Магазин. Над прилавком Анина рука с батарейками. Покупает их целую кучу. Одета уже гораздо теплее.

— Спасибо.

Выходит. Снаружи ждет тетка с лицом краснокочергого. Отшатнуться. Ударить током, т. е. взглядом. Темное пальто еще долго видно на фоне стены — Аня оглядывается через шаг, а тетка не думает уходить.

* * *

Дома отец сидит (полулежа) перед телеком со словами:

— Смотреть нечего. То убийства, то блядство, то убийства, то блядство...

Но можно следить за домом снаружи (или с крыши, или с заднего двора): будут идти часы, дни, проползать тучи, мигать из-за них солнце — а стены все будут шипеть об убийствах и блядствах.

* * *

Ночью Аня меняет все позы, какие придут только в голову, но спать все равно не может. Достает плеер — всегда поблизости — включает, плюхается на подушку, лежит слушает (мы с ней).

* * *

Утром — продолжение банкета. Только солнце чуть трогает спину, а Аня перед зеркалом (с внутренней стороны дверцы шкафа) изображает, что это она поет.

* * *

Разгар банкета — в школе. Хотя тут особо не поколбасишься, можно ногами шевелить в такт под партой. Контрольная — красивое слово на доске, два варианта под ним, возможность почитать для биологички. Перед Аней — пустая тетрадка. Перед ее соседом — тоже; только сосед парится, а Аня где-то в песне. Впрочем, когда сосед к концу урока тоже в такт стучается три раза башкой об парту (об сложенные руки, конечно же), Аня достает из портфеля решебник и отдает ему.

* * *

На перемене Катька теперь сидит на парте под зеленой лампой, что-то говорит друзьям, смеется — и даже не знает, что тоже в такт. Аню начинает развлекать музыкальность мира.

* * *

А потом на физ-ре они опять бегут, Ане не нужно слышать свистки, ей хватает глаз и чувства ритма, чтоб понять, когда переходить к другому упражнению.

Но тут ей приходится замедляться. Руки — на живот. Ноги играют в змейку как будто. Отойти в сторону, скрючившись и ища, за что ухватиться.

Упасть на землю (наушники выпадают тоже, приземляются рядом с ошеломленным лицом). Страшное доходит не сразу, а, дойдя, становится страшней. Глаза — к забору. За забором — тетка. Конечно же, тетка, но теперь по ее лицу слабо заметно, что для нее тоже, наконец, что-то произошло...

...К Ане идет физрук:

— Эй-эй-эй, че случилось?

Подошел, стоит над ней нерешительно:

— Все в порядке?

Аня (с земли):

— Да.

* * *

В туалете, сидя на кафельном полу (холодно-голубом, как и зданье), сама себе:

— Нет. Нет. Нет.

Ревет, с перекошенным красным лицом, как в детстве. Нога давит в стенку, спина — в дверь кабинки, кафельный воздух — на голову.

* * *

Блеклый шар с неба трогает окна, ступеньки подобьями бликов. Машка так и не научилась пускать кольца, но красная точка горит на крыльце как всегда. Сидит на рюкзаке, выставив ногу в световое пятно (оказывается, на ней она писала «че устались?»).

Аня подходит. Скидывает рюкзак. Садится рядом. Указывая на сигарету:

— Можно?

Машка лезет за пачкой в рюкзак под задницей. Протягивает Ане сигарету — Аня берет — протягивает зажигалку — зажигает, рассматривает, подносит к лицу:

— И как это делается?

Машка фыркает, передвигается ближе, учить.

* * *

В сарае под потолком есть пара окон. Поколенья отслужившей рухляди, друг на друге. И, как и положено, спортивный. С тех пор

как охранник (дедок с тростью в костюме с надписью «охрана», помните?) спит в своем закоулке в подвале или заднем дворе, теплая компания из туалетов перебралась сюда. Пропитывать смехом старьевочную тоску.

Все сидят кругом с кружками, бутылками, прочими емкостями.

Вслед за собственным кашлем (приступом) входит Аня. Смотрит на все это:

— Привет...

— Мелоди! — Катя вскакивает со всем гостеприимством; тащит подругу в круг, усаживает рядом.

Все говорят, смеются, курят, пихают друг друга в бока, дергают за уши — это так непривычно, что с трудом разделяешь слова.

— У нас седня, можно сказать, хит сезона (из мальчика бы получился ведущий): валидольчик (добавляя все названное в термос), тархун... и, конечно, (в боксе так объявляют победителя) самогооон дяди Шуры, нам известного как дед ээ... (показывает на парня, чей плеер когда-то согнал Аню с подоконника) одного из нас — адская шняга, если кто до сих пор не пробовал.

Потом «шнягу» разливают по сосудам; кто-то одалживает Ане кружку; Катя подталкивает ее чокнуться со всеми, как положено; и, сжав кружку обеими ладонями, Аня заставляет себя выпить все...

* * *

...Свет из текучего, мутного сосредотачивается в окнах под потолком. Мусор и спортивный инвентарь возвращаются на места, в свои контуры.

Аня лежит на спине на полу и открыла глаза только что. Ее, кажется, рвало или нет? Ей что-то кричали? По крайней мере, ей слышатся звуки — но вспоминаются или глючит? Замолкают быстро.

Вокруг никого. И тихо.

Ее вещи сложили с ней рядом. Трудно пошевелиться — впрочем, почти не пытается. Спустя время, шепотом:

— Ты умер?

Живот поднимается и опускается, как всегда.

— Ты уже умер?

* * *

Сперва из сарайной двери показывается рука (впивается ногтями в дерево косяка), потом — и вся Аня. Уже вечер, солнечный зайчик свалился с крыши ей в волосы, запутался в них, спрыгнул

на живот и замер — Аня, заметив, прижимается к стенке — зайчик падает.

От двери слева оказывается охранниково бревно. На бревне, водрузив голову на руки, а на ноги — локти, спит тетка. У лица краснокожего — пряди тяжелых волос.

Аня смотрит на нее. Двигает в другую сторону.

Но, дойдя до угла, останавливается. Дыхания тетки не слышно. Аня решает повернуть назад. Подходит, стоит над ней.

Женщина поднимает свинцовые веки и смотрит на Аню без удивленья.

Это так трудно — ворочать языком, что ни одна не хочет говорить первой.

У Ани в глазах: «Ну и?»

Тетка, вслух, наконец:

— Залетела-таки?

Все возможные варианты ответов, эмоций, действий — у Ани в глазах.

Тетка считывает нужный и уводит взгляд под ноги или перед собой (так ей легче). Теперь можно выдавить из нутра:

— Тебе ведь... не нужен ребенок?

Второй приступ эмоций, ответов — Аня смотрит этим приступом на тетку (та уже не смотрит на нее). Потом садится рядом.

— Он умер. Наверно.

— Ты кровь видела? (в ответ — вопросительный взгляд). Ты ничего не выпила. Если ты к этому. Тебя вырвало с потрохами; все должно быть в порядке. (Пауза; ветер юркнул мимо, таща за собой старый лист; лист врезался в тетку, та пристукнула его башмаком) Так что? О чем теперь думаешь? О самоубийстве? (Ане становится холодно (ей холодно давно, но теперь она это замечает)) ...Слушай, отдай его мне. Могла бы? Тебе ж все равно теперь, да? Тебе же на себя насрать должно быть, правда? И его ты ненавидишь, да? Всегда будешь ненавидеть. А ты роди его и отдай. А там... что хочешь делай... (все это время вертит тот лист, сверлит взглядом — сухой, как мумия) Потерпи девять месяцев только... Я тебе заплачу. А пока помогать буду. Отдашь?

Аня, конечно же, смотрит как на душевнобольную.

* * *

Идут по поселку вместе. Над стальной вечерней водой — ручей шириной с лежачего человека считается здесь речкой; кое-где проплывают мертвые листья или клоки пены с завода.

— Тебе уже не должно быть больно и страшно. Ты если сделаешь для меня это — тебе ж там зачтется наверняка. (Пауза) Ну?

Аня (не сразу):

— Мои родители... (а что — ее родители, сложно сформулировать даже для себя, так что — пауза).

Тетка укладывает на перила локти и грудь, деревяшка шатается, хныча.

— Родным скажешь, что по любви. И хочешь рожать. Не убьют же...

Аня (болезненно):

— А потом?

— Что? (мысли вслух, тихо) Рожать хорошо бы тебе у меня. Но там посмотрим. Подстроить, что умер родами...

Пауза. Отраженья в воде — два мутных призрака, теткин — большой и темный, Анин — почти не заметен под пеной.

— ...А чтоб ты меня не обманула... или я тебя — знаешь что? Я тебе отдам свой паспорт. Ты мне — свой. На это время. Обрато — с ребенком. ...Ну?

— ...Вы больная.

Тетка взглядом: «От больной слышу».

Аня (вслух):

— Хорошо.

* * *

Деревня встречает, как всегда, тишиной. На сей раз — затаившейся перед врагом; где любое насекомое (звук его) больше похоже на треск раций, нервное ерзанье, попытки задержать дыхание (как и люди в домах, мыши, кошки). Фонарям еще стыдно гореть, но пробовать силы приходится

Форточка дома хрипит, кашляя занавеской:

— Две бабы в доме — посуду помыть некому...

Но звук увязает в сумерках. Мать что-то отвечает, вяло и мрачно — но Аня уже отошла от окна, идя к двери, не слышит.

Входит в дом. Идет на свет.

— Тебя где носило? — Это мать, заметив ее первой.

Судя по интонации (абстрактное ругательство, не вопрос), можно не отвечать.

Потом ужин как обычно.

Потом Аня скрывается у себя.

На ночь глядя выдирает лист из тетрадки. Пишет на подоконнике:

«Здравствуйте, мама и папа. Мне надо сказать вам что-то важное»

— слушаем это письмо вместо музыки.

Над каждой строчкой приходится долго грызть ручку.

«Пожалуйста, не бойтесь, не плачьте и выйте успокоительного».

* * *

Предки найдут это днем: мать — в своей сумке (где-то в обеденный перерыв), отец — прямо под телевизором, рядом с пультом.

«Я люблю вас и не хочу расстраивать».

Аня весь день будет в школе грызть ручку, смотря в окно, по инерции.

«В общем, у меня будет ребенок».

Вся бумага в округе взбунтуется, все тетради в классе порвутся, взлетят в воздух и начнут биться в окно. Пока не выбьются наружу.

«Вы, наверно, сейчас не поверите, а потом скажете: ты сама еще ребенок»

Пойдет бумажный дождь.

«Но я решила точно, что буду рожать».

Белые клочки — на асфальт, сбиваясь в кучки вместо луж в низинах. Лезут в волосы и карманы проходим. Стучат, верней, шуршат в окна. Пристают к ветвям деревьев.

«Я понимаю, что это большая ответственность. Я не боюсь».

Голос дрожит.

«И не спрашивайте, пожалуйста, от кого он. Я поклялась не говорить».

Мать так и выбрасывает с письмом из зданья завода, прямо под дождь. Дивится природной аномалии. Или понимает все?

«Я любила этого человека и буду любить своего ребенка (голос пытается не плакать). Честное слово. Постараюсь стать хорошей мамой»

Начинается буря. Бумажные смерчки возникают повсюду, гуляют, врезаются... Голос в истерике:

«Даже не говорите мне про аборт!»

Потом она долго задыхалась над письмом. Только не капнуть на бумагу! Шторм гулял. Потом улегся — снегом на всю эту местность. Ведь Аня поняла, что все еще на уроке и что ее глушит.

«Я не знаю, что вы хотите сделать, когда я вернусь: избить меня или допросить с пристрастием?»

Мать тоже озирается по сторонам, внушая себе, что бумажных дождей не бывает. Не замечает любовника (там, у двери), коллег (если кто-то оказался на улице). Тревожно.

«Не надо».

Отец курит, сидя прям на крыльце. Его тоже проглючило на первый снег — видимо, из-за дыма.

«Все будет в порядке».

Поле дышит спокойней, когда бумага, наконец, впиталась под землю. Будет мирно теперь удобрять, а не выпендриваться — снова все как должно быть.

«Помогите мне».

Свистящий звук — бумагой хлопнули об парту — вернул Аню в класс. Одноклассников нет: урок кончился. Лишь она и биологичка. Значит, оставили после уроков.

— И как это понимать?!

Пустая тетрадь со словом «Контрольная». Лежит теперь под носом (острым, бледным, склоненным над бледной бумагой).

Тени забились под стулья и парты.

— О чем ты думала?! И каким местом, извинаясь?!

Глаза Ани ловят биологичку — той становится неуютно (чего она, впрочем, не осознает). Ученица как кошка: светит глазами, молчит и как будто не понимает, за что ворчат, ведь нашла давно.

— Ты понимаешь, что это один из основных предметов?!

Биологичка отходит к окну — втянуть через щели побольше воздуха, густого, дождливого; сформулировать лучше праведный гнев.

Аня вспомнила музыку... Достает плеер, наушники — в волосы. Play.

Учительница начинает вещать, обернувшись, как раз вместе с вокалистом. Снова работает безотказно: ругательные мины, артикуляция, жесты — все в такт. Походка барабанная; лицо раскраснелось; неужели ей действительно важно, чтоб Аня заговорила?

В конце концов Аня встает, сгребает вещички, подходит к двери. И в дверях произносит одно(у) слово(фразу) — конечно же, в такт, голосом вокалиста.

На биологичку это рушит высотный дом: пыль вьется возле лица, по которому можно предположить, что слово(фраза) было(а) либо матом, либо правдой.

Дверь за Аней закрывается.

* * *

Аня стоит у другой двери.

В тишине курлыкают птицы; ветер чешет кровлю зачем-то, ерошит траву. Плеер Аня держит у груди; наушники висят грустно.

Скоро ночь, и родители точно дома — то, что их не слышно, не показатель.

Холод начинает хватать за щиколотки; трещинки на двери (для рассматриванья) кончатся...

Аня вдыхает поглубже; и входит внутрь.

...Снаружи какое-то время ничто не меняется. Обходим дом вокруг.

Темно.

Слышим звук падающей тарелки.

И вновь все спокойно. Слышно маленькую жизнь птиц.

* * *

— Ну? Чего она там?

— Врубил музон и горя не знает.

Ночь; голоса тихие, неуверенные; музыка на сей раз вежливо сжалась в комнате. Мать послушала у двери, что делает Аня; отец вглядывался вверх с первого этажа.

Теперь они аккуратно скрываются в спальне. Дверь чердака отворяется, в проеме — Анины глаза. Сидит на коленках, придерживая дверь.

Мать:

— Ты же понимаешь, это будет второй наш ребенок...

Отец:

— Сотый раз говоришь... (прерывисто) Первый вон себе жизнь ломает...

Как бы тихо они ни говорили, их сегодня слушает весь дом, и, кажется, даже музыка — хорошо, что они не знают.

Мать:

— Передумает еще... Это ж тебе не цветы собирать...

Отец:

— Поздно будет.

Это и впрямь сегодня уже говорилось. Мать долго тянет воздух: в себя; обратно. Потом говорит:

— А если утопить, когда родит... в колодце? Сказать: мертвый.

Отец теперь наоборот пытался вдохнуть и выдохнуть быстро — что-то помешало. Спасла какая-то старая мысль:

— Лучше б папашу.

Пауза — мать изучает простынь, сосредоточенно, как и требует темнота. Наконец:

— А ты что, никогда не хотел стать дедом?

Постепенно внутри воцаряется то же, что и снаружи — темнота, звуки смешиваются, и можно сказать, что тут тоже сегодня существенно ничего не изменится.

* * *

На серые, выцветше-голубые дома падает белый рис. Слетается к печным трубам, норовит упасть внутрь (и умереть в темноте, жаре, дыме). Птицы на проводах и заборах хохлятся, стряхивают рис с себя. Окна слепнут все чаще — то от дыханья печей, то от дыханья мороза.

Утро. Мать раскинула по кровати штаны, платья, кофты и прочее. Выбирает.

На краю кровати, спиной к ней, в одном белье — Аня. То ли женщина, то ли подросток — острые плечи, локти, колени, но круглый живот. Взгляд — в окно; взгляд давно и неизлечимо больного; но в глазах отражается снег и все равно они (если кто-то еще не заметил) красивые.

Мать — очередную шмотку — к ее спине, к себе — и:

— Так, нет, это я сегодня одену.

Откапывает другую:

— Подойдет?

Аня смотрит в окно.

Мать собирается дальше.

Потом Аня все-таки берет то, что ей оставили (зимой мать любит однотонное), спокойно одевается, забирает с кровати зажавшейся плеер.

* * *

Открываем дверь; пара рисин, стылый воздух — внутрь, мы — наружу. Play (репертуар все тот же).

Поля покрыты манной кашей. Птицы роются в ней, пытаются съесть.

Автобус по ней едет мягче. Небо облокотилось на крышу, сползает к окнам.

Аня сидит рядом с бабкой, которой часто уступала место. Бабка косится, как на нечисть (будь ее воля — наверно, пересела б). Детишки глядят любопытно, не отводят взгляд, если Аня посмотрит. Взрослые — отводят или стараются вовсе не замечать. Как бы то ни было, с этой зимы на маршруте работает маленькое развлечение...

Когда оно сходит в поселке, пары глаз закрываются — остается по старой привычке дремать.

Развлечение топает к школе. Асфальт замураван в лед. Прохожих немного. Но то на углу врежешься в удивленный взгляд; то из подъезда — сальный; то со скамейки — на тему «во молодежь пошла». То сверху, с вывихнутой черной ветки — «Человек пошел. Ну и что». Плеер предупреждает о них: они, как и все, всегда в такт.

Школа. Среди разноцветной одежды, подвижных тел, лиц, в коридоре ли, в классе — Аню видно, в странной одежде, со странной фигурой.

Жать stop она и не думает; так что приходится всем и здесь подчиняться ритму.

Физрук всегда цокает языком — в спину.

Охранник качает сединами.

Биологичка, бывает, как-то странно ежится (может, это и не с Аней связано).

Толкаем дверь в духоту раздевалки (или в кафель туалета) — рты закрываются, глаза сбегают, лица становятся неестественны (не смо-

тря на то, что слов Аня бы все равно не услышала, а на ее лице — ни малейшей обиды).

Урок все, кто стоит у доски, превращают в концерт (если Аня, конечно, решает смотреть на них, а не в окно).

Саму ее застаем у доски с тряпкой.

Отвечать почти не вызывают: проходят мимо парты (фамилии в списке)... передумывают. Зато приспособили к хозяйству: только перемена и все утекают из класса — училка шевелит губами, смотря на Аню. Значит, надо чесать за водой, либо с тряпкой, либо с бутылкой (там, в туалете, опять помешаешь общаться). Вернуться, задумчиво поводить мокрым по зеленому (он же должен успокаивать, этот цвет?). Или разлить бутылку по фикусам и гераням с ржавыми по краям листьями.

Вот среди биологии шлюют мыть доску. Сделав, идешь к своей парте. Биологичка, не удержавшись, роняет в спину... что-то, отчего все хихикают, или прячут глаза или рты...

* * *

Магазин. Здесь вечный вечер. На лампе в потолке жарится пыль. Батарейки можно выгребать прямо из шкафа (которым закрыли окно). Там же наткнуться на чипсы. Вытащить пачку, собраться к прилавку...

Бах! Под барабан по руке хлестнули крапивой — это тетка сцапала за руку. Аня шатается; вырвать руку, как душу, второй отключить плеер. Услышать конец фразы, вытаскивая наушники:

— ...на ты делаешь?! Не знаешь, что это вредно?!

...Чипсы остались в магазине. А тетка и Аня выходят сквозь визг двери в зимний двор.

— Вот молодежь — вам не то, что ребенка, себя самих доверять нельзя.

Без музыки поселок спит под шелест крыльев, треск проводов, храп завода, дышащего дымом. Спит на голом льду.

— Никакого ума! — жалуется льду тетка.

Или асфальту, ведь, шагая, пятками (с толстой подошвой) пробует лед пробить.

Аня смотрит то в спину тетке, то на природу, идя по льду как по ворсу.

— Никакой ответственности!

Маршрут, похоже, обеим знаком. Через пару шагов становится ясно, что дальше тетка будет ворчать про себя. Еще через пару шагов — Аня:

— Хм... Не нравлюсь? Тогда на хер вам ребенок от меня?

Оказывается, тетка погрузилась в себя не до дна и услышала. Даже притормозила, обернулась:

— Он не твой уже, он мой... — как раз со дна Аня что-то в ней и скovyрнула, — ...поняла? (Молчала б эта Аня, как обычно. Пауза) Есть хотела? Пошли.

Идут. Тень проползает по небу, повторяясь на земле еще темней. Зачем-то Аня останавливается.

— И вообще я могу убить его...

Тетка:

— Да ты жива только из-за него! — Резко на сто восемьдесят градусов.

Но, смотря на Анин живот, приводит в порядок мышцы лица, словно перед ее животом ей нельзя быть непрезентабельной.

— Пошли.

Дальше — молча.

* * *

Входим в рыже-коричневое жилище. Рыжие лампы, красно-коричневый половик, бежевые обои — вот кто, видать, красит тетке лицо, пока та спит. Так же — на кухне. В комнатах.

И почти с каждой мебели на вас смотрит фотка парня. Конечно, стены им не обклеены, как у фанатиков. Он прячется, подглядывая, между книг, стекол, статуэток...

Пока Аня осматривается (сколько взглядов ловит на себе на сей раз) — тетка гремит в кухне. Потом возникает в двери. Взглядом шлет Аню отсюда за стол.

...Над столом чуть дрожит жаркий воздух — в одном месте. Где сгрудились борщ, оливье, сухари-сушки, чай. Аня слегка удивляется; слегка смущена.

Тетка (низко, отрывисто):

— Ешь.

Аня пробует что-нибудь осторожно.

Тетка проходит в другой конец помещения. Обнять себя за плечи? За голову? Заслонить глаза? Хорошо бы; жаль, не поможет. Глаза краснеют под интерьер, брови — как неподъемная тяжесть.

— За что только...?

Аня тут же смотрит на тетку, хотя сказали, возможно, не ей.

Тетка смотрит лишь на что-то, чего нам ни в жизнь не увидеть — что-то в себе.

— У меня был сын...

Судя по всему, в ней что-то копится и скоро прорвется.

— Умница. Не то что... — висает на полужаде.

Аня чувствует, когда готовится громкое, тихое, быстрое, медленное — и в людях, и когда, например, ждать дождя — это похоже на музыку.

Поэтому тетка так открывает словесный поток — но мы уже слушаем плеер. Наушники Аня занавешивает пряжами по привычке — тетка вряд ли заметит. Она ходит туда-сюда, жестикулирует, «подпекает» (любопытно, раньше Аня сама под музыку только так и делала). Теперь можно есть. Наконец. Полной ложкой.

* * *

Выходим от тетки; в грудь затекает зима, в уши — Рамштайн или Мэнсон, в лицо — синяки-тени.

Аня подходит к месту, откуда вытягивается дорога — сквозь поле к горстке домов. Вглядывается туда, будто зрение острее, чем у человека, и дом ей видно. Надо бы идти туда... Но Аня поворачивает.

Можно обойти вокруг поселка. Можно пойти за любым объектом, привлечшим внимание: вдоль проводов, низанных птицами; вдоль оврага, на дне, нахлебавшись снега, застыли бутылки; вдоль ржавой сетки, из-за которой следит ротвейлер; выйти к заводу, единственному пятну кирпича в снежном море, смотреть, как надсадно он дышит в тучи, а те все не тают; идти в такт, проваливаясь в сугробы; перейти ручей по вмерзшей в него железке...

Стоя на краю поселка (том, где по логике ей быть не нужно), Аня следит за бензозаправкой. Пусто вокруг. Нефть как будто втекает в глаза — взгляд темнеет.

Медленными, но твердыми идет туда.

Внаглую вытаскивает шланг, первый попавшийся.

Сжаться, окостенеть, чтоб не дрожали так руки, плечи, щека... Не помогает — ну и к чертям.

Хлебнуть из шланга как можно больше — даже успевают застрянуть в горле.

Трясущийся шаг назад.

И — из каждой поры — огонь. На синем — алое, человек-костер в зимних сумерках, изгибается, стоя — потом падает на снег, изгибается там.

...Потом, естественно, оказывается на том же краю, с теми же нефтяными глазами. И только ветер может пошевелить какую-нибудь выбившуюся прядь. Грезить — не вредно. Незнание того, чем не пользуешься — не запрещено.

Вот теперь — домой. Поворачиваем.

* * *

Как обычно зимой, на кухне — вечер, в остальном доме — ночь. Даже телек у отца ее не разгоняет.

Мать сидит у окна, что-то стряпает. Проверять иногда, как там снег во дворе.

Аня стоит у стола (плеер включен) с ножом. Над доской с сырым красным мясом. Вроде как режет его — хотя по большей части борется с тошнотой. Уже довольно долго. Задержать дыхание, что ли? Или глаза закрыть и на ощупь?

А тут еще — щелк — кассета кончилась, плеер отключился.

Без музыки смотреть на нож и мясо совсем не выходит, так что Аня отворачивается, лезет переставлять кассету.

Мать, заметив, что дочь отложила нож и копается в любимой игрушке:

— Давай-давай. Хотела быть взрослой — учись хозяйство вести.

Тут до кухни добегают скрип половиц.

Затем приходит отец. Шаркает к холодильнику, по пути поставив где-нибудь использованную посуду. Наклоняется, хрустя спиной, к нижней полке. Оттуда:

— А где это ты у нас по вечерам торчишь? К любовнику что ль шляешься?

Мать напрягается вольт на двести.

— А? Аня?

Не ждя никаких слов, не смотря ни на кого, отец уходит. Медленно, как пришел.

* * *

Теперь на кухню из окна ползут лучи. По столу, по стенке, ловят блуждающие пылинки... попадают на мать. Та чистит картошку, опять у окна.

Булькает вода — Аня моет посуду. Стоя, где была. Но живот больше и платье в цветочек (такие мать любит весной).

Устав, мать запрокидывает голову, откидывается сама, отдыхает. Потом произносит задумчиво:

— И от кого только ты умудрилась? От плеера что ли?

Что-то звякнуло, вздрогнув у Ани в руках. Не отрывается от занятий. Посуда подходит к концу. Тихо:

— А кто еще со мной общается?

Мать лениво шевелится, прикидывает, отвечать или нет. Кидает взгляд на непечатый край картошки. Иронично:

— Ммм... а срач в комнате разобрать не помогает?

Аня — к ней, всплескивая руками, язвя:

— Вот приедут к нам с концертом, туда, к курытнику — я спрошу!

Последняя посуда и — все, можно идти.

* * *

Автобус заходится мокрым кашлем; колеса взбивают грязь, та их обволакивает, лишь жирнея; в окно видим: пустой, старенький, как заброшенный; сдвинуться не может.

Приближается музыка — вскоре слышим лишь ее, медляк. Аня шлепает в галошах, тоже съеденных грязью.

На километры вокруг — северное ледовитое болото. Снежные холмы среди зелено-коричневой жижи. Над ними изредка торчат таблички остановок или покачиваются провода. Если не касаться этого ногами и колесами, это, черт возьми, может предстать живописным.

* * *

Придя в школу, Аня влезает в кроссовки (ноги совсем как прежние). В лице, в глазах что-то вроде: и у ВИЧ-положительных бывает весна.

По коридору. Рой взглядов — к цветам на платье. На животе оно держится, но норовит съехать с костлявых плеч и лопаток (кажется, кто-то того и ждет). В общем, весна...

В классе первой заметить биологичку. У нее не март, у нее уже лето, судя по похожему платью, теням до бровей и бордовым губам. На перемене она, кстати, скажет, что распущенные волосы отвлекают девочек от уроков: Аня с такими всегда, мы услышим с ней лишь медляк, но рука-то училки дрогнет именно над ее партой, ее волосами... Весна, короче, хоть ты тресни.

На уроке ждет удивленье. Ане — записка. Развернуть — кто-то почти оригами делал, видимо, чтоб не читали другие... Вклинивается в песню:

«Извини! Ты, наверное, знаешь — можно ли залететь от минета? Мне некого больше спросить. Плииииииз»

Весну с лица сдувает.

И с тела, и с урока, и со всего дня. Хочется где-то скукожиться, где никого не бывает, и проторчать весь день там.

* * *

В положенное время Аня выходит из школы, где бы ни отсиживалась. Стоит на крыльце, меняя в плеере батарейки.

Грач разорался на крыше.

Мимо — Машка. Верней, сначала смотрит, оценивает с расстоянья ступеньки. Потом проходит, кидает пакет, рюкзак на него и, наконец, себя. Открыла сезон. Закуривает.

Аня следила за этим процессом. Так что Машка достает еще одну и взглядом предлагает ей.

С одной стороны, на сегодня хватило общенья, но... Заканчивает с плеером, подходит, садится.

Машка вручает зажженную.

Аня сидит и смотрит на огонек, вращая его не спеша между пальцев. Машка это, естественно, видит, но ничего не говорит, курит, как обычно.

Привыкнув (сигарета прогорела, допустим, на четверть) Аня бросает взгляд на живот. Шепотом или тихо:

— Эй...

Ей, естественно, не отвечают. Она пробует затянуться — но это так тошнотворно, что приходится аккуратно положить сигарету рядом: может, Машке еще понадобится.

Машка считает: каждый имеет право на причуды, задвижки, даже совсем эксклюзивные — ей должно быть все равно.

Аня (как-то по-детски и грустно):

— Какая же живучая скотина...

А тем более на задвижки имеют право беременные, все они, наверно, общаются с животами. Так что Машка все так же спокойна, плюс лишь легкое любопытство.

Аня вздыхает, с удовольствием обняла бы колени, подтянув их к груди...

— Ну и живи. Я с тобой не разговариваю.

Сидят еще долго, просто дыша, каждая — своим.

* * *

Радио не работает. В лобовом стекле уже много часов — пластилин в приблизительной форме дороги, темный, квакающий колесам: «Ну и че вы хотели?»; по сторонам — холмы мокрого сахара и проталины в нем — от горизонта до горизонта (или почти); к горизонтам сбиваются тучи, плотней и плотней — блин, вот чего не хватало (не местный — не знает, что тучи могут ни к чему не вести). Документы под лобовым темнеют, будто недовольны; груз в фургоне, наверно, тоже.

Впереди — фигура. В темном пальто, то ли с горбом, то ли с рюкзаком.

Постепенно фургон настигает Аню. Ноги так и петляют к полю, но надо идти прямо. Тем более любой сугроб засосет по колено, если наступишь.

— Бабушка, вас подвезти?

Спина не откликается.

Сигналить не вежливо. Так что громче:

— Эй, мать, садись!

Аня остановилась. Оборачивается.

Лицо выдавливает из шофера «Извините».

Да, из-за юности, из-за того, что при этом беременна, но еще (как бы это перевести с впечатления на русский?) так бы смотрел еретик на ворвавшуюся инквизицию: пытки уже в голове, но пока надо сцапать вилы и сделать бо-бо «гостям» (нет, ну естественно, водитель это не переводил. Он почти смущенно отвернулся к рулю, подержал руль секундочку и уехал).

Проводить фургон взглядом — туда, в тучи. Пойти самой.

* * *

Дома в дверях, держась за косяк, в одной галоше, Аня включает нам плеер (выключился в пути). Сбрасывает галошу, рюкзак, пакет с кроссовками.

Шагает к отцу. Задержаться в дверях его комнаты, убедиться: вот он, ноги стекают с дивана, глаза отражают свет телека со сменой кадров.

Пойти на кухню.

Там дотянуться до полки. Натягивая струны ног (цыпочки), позвоночника и руки (Чертово положень! Почему физкульт-элементарщина должна быть такой эпопеей?!). Взять с полки нож.

Поднести к нему пальцы: просто проверить, как сталь отражает телесное... И достать все ножи, какие есть в доме со всех полок, где они могут быть.

Разложить на столе. Теперь в лезвиях — тень старой кухонной шторки.

Взять один. Отойти от стола.

И начать тренироваться.

Как там отец это делал? Он мог долго крутить нож в руке, довольно быстро, лезвие проходило под самым запястьем (каждую пару секунд). В какой момент менять пальцы? Какие из них, чтоб нож не выпадал? Было бы в идеале — вращать его в такт. Так пристрастилась к музыке — рука сама предпочитает делать неверно, но музыкально.

В конце концов понимает: нет, не научится. Жаль.

Сжать на миг губы, вздохнуть, опустить выразительные.

Что ж, тогда возвращаем ножи на их ПМЖ...

Однако, уходя из кухни, Аня держит в пальцах, разглядывает маленький складной.

* * *

В сарае сумрачно. И без музыки. Дверь закрыта, а окна под потолком разрисовали зелено-бежевыми человечками, свет сквозь них.

Время собрания не сейчас. Сейчас может быть после уроков, может — вместо.

У стены — стопка матов, со вспоротыми боками, в основном, истекающими поролоном. На ней и устроились Аня, Катя и Маша.

Аня лежит на спине, вытянув и обезжизнив ноги-руки, следит, как над ней поднимается дым к потолку. Машка, естественно, дым выпускает, лежа с Аней макушка к макушке (только ноги не поместились, так что одну согнуть, вторую свесить, стучать по мату в отместку). Катя сидит, привалясь к стене, пол-лица скрыв капюшоном.

— Говорят, короче, — Машка (продолжая по сути не начинавшийся разговор) — девки у мамы отбирают красоту. А у тебя кто?

Аня тем временем отвернула голову от потолка: смотрит куда-то на дверь.

— А если отбирать нечего?

Объективно говоря, найдется чего — но Аня так не думает (и вообще давно о таком не задумывалась).

— Ну тогда только мутантом родишься.

Дверь перестает привлекать — голову обратно.

Тихий ужас — в лицо. Взрыв — в глазах, на большой глубине.

Так как вместо бугра под грудью на ней... сидит нечто. Цвета больной (или уже остывшей) кожи. Опутанное, как плющом, венами — ее венами, Боже, вырастающими из нее, с теплой кровью внутри, пусть порченой, но пока нужной! Нечто в форме ребенка.

(Вариант 1:) Шесть глазок, как у паука, изучает Аню.

(Вариант 2:) Голову ему будто хотели выдавить: сжата с одной стороны, разбухла с второй. Глядит на Аню одним сщуренным, вторым — широко раскрытым.

(Не все же музыку, теперь выбираем картинку).

Говорит ей тихо, обычным детским:

— Привет?/...

Тем временем Катя пошевелилась, растянула губы (пока механически) до улыбки, возвращает в нее по капле искренность.

— Мелоди!

Та лежит, как привязанная к операционному столу в подвале без наркоза.

Катя привыкла к людям в странных состояниях, но... паршиво, когда не понятно, в опасности человек или... ну, все другие варианты.

— Эй, Мелоди!

До Ани это доносится как из-под земли.

— Аня, блин!

Найти в себе силы отвернуться от глюка (что он сделает ей за пару секунд?) и поймать взглядом Катю.

Та убеждается: взгляд на ней сфокусировали, значит... значит, все даже лучше, чем бывает! Да еще и не мутный, скорее... выживший после чего-то. Сегодня счастливый день.

Аня смотрит опять — глюк исчез. Можно дышать. Меняет позу. Показывает Катьке, что слушает.

— У тебя деньги есть? У нас пульт сдох от телека — я в город прусь за новым. Давай со мной. Найдешь себе новое музло...

* * *

В электричке стук шпал и рельс можно миксовать с музыкой. То громче одно, то второе, то ровень. Чем Аня и занята в проигрышах.

Окно приоткрыли — волосы затанцевали. Полвагона на концерте тоже, прическами — но не слышат важную часть музыки.

Аня сидит у окна (остаток скамейки пуст; впрочем, пустых мест вообще хватает). Катя — напротив, лежит на спине, торбу — под голову, кеды — в проход.

Через проход от них — бабушки, на обеих скамейках, обсуждают их так, что, если б хотелось, можно было б слова разобрать.

От бабушек через скамейку — газета; с мужскими ногами, с ладонями на печатных боках, четырехпальными. Ее ботинкам приходится отгонять банку, каждые три такта бьющую в них жестяным лбом.

Через пару скамеек — цветастая женщина с книжкой в цветастой обложке; эти, значит, еще не срослись до конца, но, судя по глазам, процесс необратим. Рядом ее сын играет в тетрис.

В углу вагона — ноутбучный. Напротив — гадают кроссворд. Нога ноутбучного пинала кроссвордчика каждый третий, рождая в четвертом движение губ типа «Сорри» в одном и типа «Заколебал ты» в другом. Наконец, кроссвордчик переехал — попой в другой край скамейки, как раз пока тянули ноту.

На той же ноте невдалеке дядька допил из бутылки; смотрит теперь в горло, узенькое, на дно.

В другом углу вагона — спят. Или хотят, не смотрясь странным, достать носом пузо.

Еще один — слушает плеер. Только, кажется, не замечает, что не один...

Аня отворачивается к окну. В глазах замелькали столбы, липы, тополя, провода; они же — тенями — по телу.

Катя глядит в потолок, глубоко в подсознании вспомнив, что надо бы слушать или считать остановки.

* * *

Магазинчик маленький (город тоже). Диски смотрят на вас с пола до потолка. По сути, здесь однокомнатная квартира. Расположенная шкафами. Раньше (сильно раньше) в шкафах можно было найти и кассеты — теперь Аня втиснулась между шкафов, стараясь не сильно давить животом в диски, водит по ним умоляющими — зря.

Там сзади, шкафа через три, продавец у себя разложил с компом. Смотрит клипы; шкафы, диски, клиенты (если зайдут) их слушают. Что-то особо душевное типа рамштайновской «Pussy» или мэнсоновского «This is the new shit» (если эти совсем уж достали — Сектор газа, что-нибудь соответствующее).

В какой-то момент замечает напротив девчонку. И долго она так стоит, улыбается? (Катя).

— Что ищем?

— Видимо, это, — головой, носом — на его комп.

— Это вам рано.

Из-за шкафов выскальзывает Аня, умудряясь без единого звука. Подходит к Кате.

Продавец:

— Так, ладно.

Через пять минут Анины нос и волосы смотрят в пол. Катя рядом, они собираются уходить.

— А кассет уже не найдешь нигде. — Продавец, естественно. — Вам лучше плеер новый.

— Спасибо. — Аня, на вздохе.

Разворачиваются, уходят.

(Денег было лишь на кассету; сколько стоила, когда Аня в последний раз покупала их; и уж конечно они с Катей знали, что не найдут; но счастье надо пытаться — может, выдаст, так ведь?)

* * *

В обратном пути — только музыка (в баню остальные звуки), вывернуть громкость так, чтоб съела рельсы-шпалы. Свет в полупустой кишке вагона секторами: глуше, ярче, рыжий, желтый... Темень в окнах проносится, иногда в форме зарослей или дальних селений; везде — сквозь Аню — у окна, как если б ехала в той же обратно. Катя в тамбуре.

Из дверей в вагон прошаркивают два бомжа. Головы — два перевернутых, жестких куста в седине, разлапистых. Шаркают дальше, миролюбиво ища, где бы приземлиться.

Видят Аню. Мелкими блестящими глазками. Приземляются перед ней.

Кажется, хотя поболтать с ней. Потому про-
веряют, что там в окне, и, улыбаясь — фразу-
две, видать, о погоде.

Аня ждет немного: что сделают, когда им не
ответят.

Ничего не сделают. Пытаются снова.

Тогда Аня из какого-нибудь ближнего кар-
мана правой достает нож. По пути раскрывает
(складной же, как помните). Состряпывает
маньячное лицо (за доли секунд выбирая, что
маньячнее: искры в глазах, буйность жарких
стран, типа щас не сдержится (но в последние
месяцы ей не до буйности); ледяное, как Аркти-
ка, спокойствие, даже надменность, типа убьет и
не вспомнит (но в горле-то пересохнет, сфаль-
шивит как пить дать, а эти почувствуют); болез-
ненность, потянуть «ыыыыы», типа только
что из диспансера... в итоге — нечто между вто-
рым и последним).

...Неужто сработало?! Бомжи медленно, как
говорится, без резких (хотя, может, хотелось
бы), поднимаются, разворачиваются (даже тре-
вожатся быть к ней спиной!), ушаркивают в
другой вагон.

Аня возвращает нож и выраженье лица, и
сердце — на место.

Едем дальше.

Кутаясь в мамин плащ (или куртку), заме-
тить, что люди в вагоне таки есть — только зама-
скированные под тени какие-то на сиденьях,
пыльном полу; что в окне таки — белый коготь
над полем или селом проезжает с ними чуть-
чуть, опять прячется.

На остановке в тамбур (к которому Аня ли-
цом) набивается кучка теней, музыкально тря-
сется там полпути.

Потом вваливается в вагон, оказавшись пар-
нями чуть старше Ани.

Совещаются, где им сесть — простейшими, но
активнейшими и большими движеньями челю-
стей, мышц лица, рук, смеясь (наверно, громко).

Видят Аню.

И — кто б сомневался? — идут к ней.

Сваливаются напротив с движеньями в духе
«что тут у нас?»

Аня ждет. Их подвижность усиливается. По-
ка им забавно — но вдруг скоро кого-то взорвет
ее нереагированье?

Похоже, расспрашивают, как дела — пока не
родила — как рожу, тогда скажу — все такое...
Наконец — легкий наклон в ее сторону.

Нож — в правую, правую — в воздух рядом с
собой.

Секундный ступор напротив. Потом у одно-
го — улыбка Моны Лизы. У второго — что-то вро-
де «Ну-ну, че теперь будешь делать, девочка?»

У третьего не видно рук, значит, лучше, наверно,
не узнавать, что при случае в них окажется.

Аня переводит нож к своему животу. Неот-
рывно следя за реакцией.

Острые в миллиметре от этой дышащей опу-
холи; бледная, конечно, но глаза, губы не выда-
ют ничего — чтобы можно было судить, правда
сделает или нет, пугает их или боится до степе-
ни «не надо, я сама», или просто психичка...

Наконец, один предлагает всем сваливать.
Кто-то нейтрален. Но другой плюется... и вски-
дывает взгляд с вызовом. Говорит/показывает
ей: «Продолжай».

Один крутит пальцем у виска — не столько
ей, сколько ему. Но он развалился, как в кино-
театре. Отрезал им что-то на тему «А сами-то не
хотите увидеть?». Постепенно на всех воздей-
ствует.

Его хотят увести. Но бесы в глазах и под ко-
жей у всех уже заработали (хотя, впрочем, маму
кто-то тоже, видно, вспомнил).

Тот подначивает Аню без передышки. Так
сразу тоже не считывается: это он отморозил
чувства и совесть или наоборот любит жареное,
или псих...

Аня перескальзывает ножом к горлу.

Реакция в десятой степени. Но та же.

Жесты, слова, музыка — все потоком; с такта,
кстати, никто не сбивается.

Но вдруг — все на миг взглядом в тамбур
(тот, что у Ани за спиной). Оборачивается и
Аня (машинально).

Там в дверях — Катька, раскинув руки, зовет
ее выходить, похоже, на весь вагон.

Обратно. Раз никто не воткнул кастет (или
ее же нож) в спину (в голову) — Аня просто
встает, забирает вещички и двигает к выходу.

Обернуться только в дверях.

Ничего особенного: сидят, тоже смотрят.

Выходит.

* * *

Электричка отходит, увозя свет с перрона,
обдувая волосы

Аня, Катя и музыка остаются одни между
старым асфальтом и темным, над головой.

Катя, взглянув на спутниц, превращается в
мима: шаг вперед, взгляд на воображаемые ча-
сы, пройтись, не сходя с места, как будто идешь
долго — в общем, дальше им топтобусом.

Аня усмехается — ей картинно подставляют
локоть — вынимает один наушник, в песню ме-
шаются вздохи старых конструкций платфор-
мы, дальние электрички, собаки из пункта
А кричат что-то в пункт Б. Наушник — Кате —

берет с радостью и всю дорогу потом трясет головой и, иногда, рукой.

Спускаются на деревянный настил, утопающих в земляной каше, проходят, булькая, скрипя досками. Катю и тут тянет танцевать. Идут, как в детстве, за руки.

Вскоре выберутся на дорогу, а там по ней, по лем-полям, пока не увидишь свой дом.

* * *

К концу пути батарейки хотят умереть, так что слушаем то меееедленное, басом, на корову похоже (с нашей-то музыкой), что получается.

Под это Аня снимает галоши, трет коленку и босиком, устало — на кухню.

Там горит свет, у отца тоже. Но они не на кухне. На столе — демонстративная тарелка, прикрыта другой (Зачем? Чтоб мухи не сядились? Так их нет еще) и прочие хлеб, соль, салат, ложка, вилка — ей оставили ужин.

Стаскивает плеер — звук меняется на телевизор из той комнаты.

Слабо оглядывается, соображая, где бы сесть, чтоб было на что положить ноги. Наконец, устраивается так у стола.

Уплетает холодное в обе щеки. Вдруг — сзади ее обнимают культяпистые ручки цвета трупа. Живот пропал, зато сегодняшний глюк-ребенок ползает по ней, как обезьяна или панда. Хотя нет — судя по лицу и тому, что перестала есть — как аспид или личинка термита (с собаку размером). Держась за Аню, одной ручкой показывает на (допустим) картошку. Наивнейший взгляд всех шести или двух разных. Наивнейшим детским голосом:

— Дай.

Аня старается взять себя в руки, в руки берет тарелку, вилку, выкладывает куда-нибудь картофелины, принципиально ест другое.

Можно даже глаза зажмурить. Чтоб пропадал быстрее. Когда открывает — его и впрямь нет.

Зато мать — из комнаты с телеком, так, чтоб Аня слышала:

— А че это наша взрослая забыла в городе ночью? — сидят с отцом рядом, перед экраном, в одинаковых позах (но мать еще хомячит семечки или орехи из миски). — На работу устроилась, не иначе — семью обеспечивать?

Отец (этот уже не Ане):

— По ночам и без образования? Шлюхой, что ли? Узнаю — прибью.

Мать:

— Ты козел что ли? (к вопросу «Какая шлюха с ребенком?», вопрос про себя, ибо много го-

ворить лень; а впрочем, может, и не к вопросу, а так, вообще...)

«Козел» тем временем отвернулся от матери и экрана, скрючился как-то странно и плачет — не столько слезами (пресловутая скупая мужская), сколько просто лицом, беззвучно.

Зря прячется: мать тем же временем запрокинула голову, утопая в диване, прикрыла глаза (реклама — можно отдохнуть).

* * *

Ночью, пока Аня спит беззащитней подбитого воробья, отец заглядывает в ее комнату, заходит, стараясь не скрипнуть, не налететь ни на что. Смотрит, закрыто ли окно. Осторожно укутывает одеялом Анину голую пятку, еще осторожней — плечи в маминой пижаме. Вроде не разбудил. Ковыляет обратно.

Дверь за собой — как резиновую.

А через пару ступенек за ней слышно треск, удар и «Е-бля!!!».

...Остальной дом спит, как четыре младенца. Аня, по крайней мере, только пошевелилась чуть заметно, но не проснулась.

* * *

Утром птицы соревнуются с телевизором. Отец сидит, сдвинув брови в луче света из не до конца задернутой шторы.

Аня проходит напрямик к полке над телевизором. Выгребает мелочь из специальной банки, отсчитывает, сколько нужно.

Отец крестится вправо — разглядеть за ней экран. Потом говорит:

— Ты куда это? Выходной...

— В магаз — батарейки (вмагазбатарейки).

Сбилась, монетка выпала, пришлось считать заново. Отец:

— Ты на это говно все деньги просаживаешь. (И как-то подавленно) надо бы малявке купить... че-нибудь...

Аня, досчитав, отходит. Странно серьезно:

— На тебя бы я посмотрела без телевизора.

Отец (смотря в экран):

— Твое счастье, что тебя бить нельзя.

Аня как раз доходит до двери комнаты во время фразы. И проскальзывает в нее, не обернувшись.

* * *

К вечному вечеру в магазине зашло в гости утро — дверь распахнута (так, видно, удобней обклеивать ее рекламой), вот и заходят кому не

лень. На полу — утренний свет, на потолке — вечерний. А между Аня опустошает шкаф с батарейками. Подходит к прилавку, вываливает их продавцу. Тот:

— Вы как всегда?

Шевельнуть губами в направлении улыбки (это значит «ну да, как всегда»).

Продавец с самым вежливым интересом:

— Скоро уже? Как назовете? Мальчик — девочка?

Надо бы еще шевельнуть губами к улыбке... надо бы. Да как?

Тут сзади бухает:

— Мальчик. Паша.

Больно бухнуло, в спину. Теткина тень накрывает ее батарейки. Продавец, видно, думает, что они родственники. Аня — сама не зная, почему; не иначе из чувства протеста:

— Костя.

Теперь бухает тетке в грудь. Она щурит глаза на Аню, пока та расплывается, забирает покупку и, опустив глаза, идет к выходу.

* * *

Не спеша, на небольшом, но все же расстоянии друг от друга — над рекой-ручьём.

Вода потемнела и воет, почти уже растворив корку над собой. Та скрежещет, трескается то и дело, выпуская из ран струйки. Те облизывают лед с аппетитом, принимаясь разъедать и сверху. Перилам осталось вздохнуть.

Тетка и Аня молчат. Но одна все присматривается ко второй. Вторая — прислушивается к первой.

Наконец, у воды тетка уходит в себя, собирает там со всех углов то, что надо сказать или сделать, складывает в кучу, подгребаёт поближе к мозгам. Остановившись для этого, взявшись за перила.

Аня слышит, тоже останавливается. Ждет, пока на нее посмотрят. Так уж у них повелось: сначала — взглядом. Потом — то, что уж никак без слов нельзя — можно озвучивать. Тетка:

— Вам надо жить у меня.

Аня — ??? Тетка:

— Я купила ему все вещи.

Аня — ??? Тетка:

— Так что не возвращайся домой... Мы пойдем ко мне.

* * *

Батарейки в пакете и плеер прижала к себе. Тетка толкает дверь:

— Располагайтесь.

Аня — как в размрачнейший замок в лесу, сначала заглядывает снизу вверх: ан нет, потолок не сводчатый, высоченный, а вполне себе параллельная полу плоскость, без цвета и запаха. Шагает внутрь, стоит на пороге, осматривается. Темно-красные толстые шторы обняли окно — кажется, что ты в подвале. Искать тут ее вряд ли будут...

Кровать — под пледом с ватное одеяло, одеялом с два таких пледа, матрасом с три таких одеяла, подушкой с это все вместе взятое — наверно, спать будет, чувствуя себя начинкой в булке. Впрочем, как когда-то сказала тетка, ей «насрать должно быть, правда?».

* * *

В итоге — правда. Аня спит, просто скинув на пол все, кроме матраса. Из-под штор лезет синее (так не подходящее этой квартире) утро.

Тетка открыла дверь... и обомлела от свинства на полу. Будь здесь только ее Паша, она бы начала писать текст о важности порядка, чтоб озвучить ему, когда проснется. Будь — только Аня — выкрикнула бы этот текст сразу, непросчитанными словами.

Теперь же говорит:

— Кончай спать. Дитю нужен воздух.

Спросонья темные, как утро, Аня раскрыла плавно, но сразу: сон чуток не в своем доме.

* * *

Через пару минут они во дворе, греют руки в карманах. Синий заполнил весь воздух между домами, пропитал стены, стекла. Между первыми травинками с тяжелой водой на них, тоже синими. Между нитками ручейков и кварцевыми сугробами, с синим. Между Аней и теткой, залитых синим.

Тетка:

— Дыши.

Как будто можно этого не делать; или делать что-то еще, когда тебя разбудили и выпихнули во влажное утро. Аня вдыхает синий поглубже.

Тетка:

— Полной грудью, чтоб тебя! Какая ж ты дохлая!

Аня не знает, удивляться ей, усмехаться или как вообще реагировать на эту странную женщину. Да и рань несусветная для любого познания! Просто стоять и дышать глубоко, следя за этим — и разумней сейчас и (к тому же) приятней.

Тетка сдерживается, чтоб не командовать: «Вдох — выдох — вдох». Нет, чтоб самой выдохнуть из себя волнение (оно же копится там, а залези, как правило, вредны).

* * *

В обед стол трещит во всех смыслах. Горячее парит, как баня. Холодное съезживается рядом с горячим. Тетка смотрелась бы курицей-хлопотушкой, кабы не сосредотачивалась и не светила серьезностью, как профессор.

Аня доела пюре и котлету; не может избавиться от какой-то тревоги...

Тетка выхватывает тарелку, заполняет опять под завязку, ставит обратно:

— Ешь, малыш, еще.

Вот теперь Аня удивляется — плохим, тяжелым удивленьем; разгадав, что тревога была из-за предчувствия этого. Тихо, вежливо:

— Я не хочу больше.

Тетка:

— А тебя не спрашивают.

* * *

Вечером вместо синего — фиолетовый и сиреневый. Слышно сказку. Теткиным голосом. Из старой толстой книжки.

В фиолетовой тени под забором чешется двортерьер — расшвыривая этим блох, которых Ане нельзя трогать (по теории тетки, конечно). Между досок забора сквозит сиреневый — которым надо дышать плавно, ненавязчиво, «чтоб ему хорошо спалось». В первых стеблях травы набухают капли, как утром, блеснут иногда из тени эльфом — кстати, сказка про пиратов (эльфы это для девочек).

Сидят во дворе, и Ане становится все страшней глубоко внутри; спасает то, что «ей должно быть все равно».

В какой-то момент решает кое-что проверить. Тетка читает. Аня приподнимается. Пока не зная, куда пойдет, но зная, что надо пройти.

Тетка:

— Куда? Тебя привязывать что ль надо?

* * *

...- Так будет лучше. — заканчивает тетка над рекой, уцепившись в перила; осознавая себя, наконец, свободной от всего, что надо было сказать.

Лед трескается прям напротив, из очередной раны — темная-темная, во все стороны.

Аня глядит на тетку — вслух это было б: «Вот ты какое, весеннее обострение...» Отступает назад, ме-едленно, вдоль перил. Еще шаг.

Тетка, наконец, к ней повернулась.

...А это вслух было б сложно: не влезет в один голос, зато — в один взгляд вполне. Сопрано (перевожу приблизительно): «Не верю. Как можно не принять моей заботы? Куда ж мне ее девать?», меццо: «Неблагодарная! Я тут душу выкручиваю, а она!», альт: «А вот и не свалишь. Не дам»

Аня — четко, предупреждающе, пружиня словом и походкой:

— Отвали.

Вместо этого ее хватают за руку, пытаются тащить.

Но ведь с хрустальным контейнером, в который она превратилась, нельзя так грубо и неосторожно... Обе понимают это.

Так что Аня легко вырывается.

И, отходя подальше, кричит:

— Оставь нас в покое! (в смысле «дай покой хоть на пару месяцев! Все равно — твои, могла б хоть не доставать»).

Ближний к перилам бок тетки клонится к ним, без ее воли. Застыть в этой позе, потому что, похоже, двинешься — что-то внутри разорвется. Вот теперь все (в прямом смысле все: что было, что будет, могло бы быть, логика, интуиция, окружающий мир, биология, философия...) влезает в одно слово:

— Вас?

Аня не слышит его, отойдя уже порядком. Она видит: фигура над рекой-ручьем неподвижна (только темные струи и ломкие куски льда разносят ее тень во все стороны).

Домой.

* * *

Ветер работает, солнце — нет. На соседской антенне и крыше — вороны. Одна танцует на кровле, скребясь коготками, остальные сидят серьезно, как на консилиуме.

Аня случайно взрывает сугроб у калитки — брызги снежинок сквозь забор. Лужу с той стороны, суп из земли, травы, воды приправило снегом. Наступить и в него случайно — поднять пузыри и, со дна, ингредиенты.

Пойти отнести покупку в дом.

Не найти себе места.

Встать на крыльце, держа себя за плечи, приклоняясь к стене. Рассматривать улицу — искать места там.

Тем временем мать какое-то время следила за дочкой. Теперь вздыхает неподалеку. Подхо-

дит тихо. Мягко обнимает Аню сзади, кладет голову ей на плечо.

По Ане пускают ток. Освобождаясь:

— Не трогай меня!

И тише, отходя подальше, к улице:

— Меня нельзя трогать... — и уже во дворе, одна, — ...больше.

Ворон все равно спугнула (срываются, шурша, теньями). В лужах трясется небо. Шепотом:

— Никогда.

А сама пробирается осторожно пальцами к плечам и обратно, чтоб это тело не думало дрожать, как небо в лужах.

«Никому (ни теткам, ни тем более мужикам)» — но это уже про себя.

* * *

— Да ладно тебе! Беременные — они ж всегда как припадочные. А то сама не помнишь?

— Помню. Я такой не была.

Мать со знакомой на кухне. Сидят, экономят или забыли включить лампочку (потому что в таких позах только и забывать).

Телевизор — традиционно.

Аня сидит на лестнице, щелкает батарейками, крышкой плеера. Из кухни долетает:

— А че это ты тут читаешь-то?

Мать:

— Все про то же, про роды. — Потом она прикусила губу, может, соображая, продолжать или нет. Наконец: — С осложнениями. — Потолок не обрушился. Можно дальше: — Пишут, что... бывает... выжить может только один — либо мать, либо ребенок... (ах да, и естественно, весь разговор тихий: не заговорческим шепотом, но грустным голосом на минимальной громкости). Выбирают родственники.

Знакомая:

— И что? (скорей «да ты что?»)

Мать хочет одновременно взглядом лезть на стену, прятаться под столом, вцепиться в знакомую и не отпускать, пока не... а что собственно? Но у них в семье глаза не бегающие — остановятся на одном и, как кошки, шире — уже, так что выбирайте, матушка.

— Ну, еще пишут, часто выбирают ребенка... Понимаешь, для будущего.

Сзади, тихо, как все:

— А мать, значит, прошлое? — Это Аня стоит на пороге.

— Анечка!.. — Сейчас знакомая начнет что-нибудь щебетать.

Аня не будет ее слушать. А мать будет — так внимательно, так внимательно, что даже ее рас-

кошачьи заболят смотреть в одну точку — аляповатую теткинскую серьгу.

* * *

Ужинают всей семьей. Изредка отрывая семейные выразительные от овощей и смотря на кого-нибудь. Молча. Звякая ложками, тарелками. Хрустя. Даже не чавкая (отец, возможно, специально решил отучиться).

В тишине — Анин шепот:

— Заткнись.

Тут же — взгляды матери и отца проверяют: кому? Аня, как ни в чем ни бывало, ест дальше.

А на коленях — мутантик; сидит, болтая трупными ножками, кстати, уже не пришитый к ней венами. Опять, видно, просил конкретный продукт.

Родные, не найдя, в чем дело, встретились заключительным взглядом. Тяжко принимаются есть дальше.

Ребенок — грустно, почти философски:

— Если не будешь меня любить, я тебя тоже не буду. Вырасту — сдам в дом престарелых.

Аня дожевывает, что ела и отрезает:

— Если найдешь.

* * *

Дом, заборы, траву прокрутило, прополоскало, отжало, и сохни как хочешь под темными бабанами туч, которые остались тут перевести дух. Трава мокрым укропом липнет к доскам или торчит любопытно из почвы — к тучам, из всех щелей — ко всем встречным.

Единственный встречный, Анин отец, моет ботинки, шатаясь, как заключенный, во дворе, на подходящем к концу пожизненном.

Из туалета — кашель, слезы, тошнота. А дождь Аня тоже там пережидала?

Оказываясь очередной раз рядом, — неловко, просто безнадежно:

— Ты скоро?

И без ответа поплестись домой.

Немного погодя, Аня выбирается, ловит последний кашель ладонью, ловит воздух ртом. Засесть бы или залечь в траву... но можно следить за тучами и стоя.

Сизая, с седым хвостом, подбирается к их крыше. Первая после дождя птица пересекает деревню. К оврагу — в него стекает дождевая глина, на дно, забитое совсем доходящим снегом. Поле, вымыв еще полулысую голову, дышит успокоенно.

* * *

— We're all living in America, — поют нам в уши (или «We're from America» — смотря на чем хотим сделать акцент (не фразой — песней в целом))

А смотрим на ржавый соседский трактор, из окон коего прорастают плющ и лопух, пока засохшие, прошлогодние, но, судя по травмам в колесах, обещающие зеленеть все лето, привлекая бабочек, пчел и стрекоз. Рядом — серый козел — сюрприз, он таки тут водится. Даже солнце прислало пару лучей на разведку. Они купаются в большой цветущей луже, посыпав блестками ее буро-зелено-песочную гладь. На берегу — птицы моют лапки, полощут глотки, загорают от этих двух.

Напротив, на бревне — Аня, музыка и мутантик. Последний — в одежде и рядом с Аней, а не на ней. Но музыку все равно слышит, и голос его плеером не отрежешь. Любопытствует, болтая ногами:

— И мы живем в Америке?

Аня, с пачкой американских чипсов:

— Наверно.

Ребенок — о птицах:

— И они?

Аня:

— Вряд ли.

Швыряет в птиц чипсиной. Один подобрал, начинается драка. Аня:

— И им по фигу.

Опять сидят молча, смотрят, слушают музыку, Аня съедает еще пару-тройку вредных. Мутантик:

— Мы одни, да?

— В смысле?

— Ну, в Америке.

Аня откидывается проверить, не собираются ли им прислать еще лучей. Потом отвечает:

— Похоже на то.

* * *

Бетонный, по идее белый ящик магазина, как всегда, торчит отдельно от жилых. Сегодня тучи над ним провисли, как халтурно прикрепленные гамаки. А по асфальту, вздыбленному как от землетрясения, приближается музыка — то бишь Аня.

Видит, как пара теток и бабка в черных платках, черных юбках, черном верхнем, подходят с другой стороны. Ныряют в дверь.

Песня попала в тему к трауру — Аня осознает это и тоже доходит до магазина.

Сегодня ей нужны не батарейки, а вполне себе продукты (запас на неделю). Она выбирает с

прилавков-шкафов это нужное; тетки в черном тем временем с продавцом вздыхают, что все там будем...

Тетки закончили — на выход. Аня как раз отплывает от шкафа... На продавца, как заметил ее, наползает странная мина: удивленно-сочувственно-скорбная, будто тетки и все, что они говорили, напрямую связано с ней.

На всякий случай она, поставив ему все покупки, пока руки снова не заняты, вынимает один наушник.

— Соболезную... — мямлит продавец похоже на мину: растерянно-грустно-сочувственно.

Аня не находится, что ответить.

Расплачивается, сгребает все в пакеты, в обе руки и тоже к выходу; пока растерянность перерождается в ней в предчувствие.

Управиться с ручкой двери и с пакетами... На ступеньках снаружи, оказывается, еще стоят те траурные. Только одна тетка в черном сменилась на тетку в цветном — ей и дают всю положенную информацию. Верней, уже выдали, похоже, потому что сквозь песню мы слышим ее:

— Ну надо же так — ни с того ни с сего...

Бабка комментирует:

— Да она неделю с постели не вставала.

Тетка в черном — бабке:

— Вы же ее нашли. Не узнали ничего: были у нее родственники?

— Какой там! (тетке в цветном) Говорю, уж и похороны мы все соседи оплачиваем.

Предчувствие в Ане зашкаливает. Прислониться к двери — к ближайшей опоре.

Тетка в черном — бабке:

— А документы ее какие-нить все искали — нашли?

— Какие-нить нашли... Только паспорт как в воду.

Раздается шуршанье пакетов. Предчувствие, переродясь в девятый вал, бьет по ногам, груди, воеет в голове, в музыке. Тетки, не слыша, не зная этого, обернулись на секунду... к странной беременной малолетке; видно, сумки тяжелые, ручки слабенькие — как допереть до дома и их, и живот?

А тут еще у них... происшествие. С видом «Вот она какая жизнь» опять обернуться друг к другу.

Тетка в цветном:

— Ну, значит, что ее? На яругинском, как всех наших... да?

С приличествующими вздохами, которые показывают мысли о вечном:

— Где ж еще...

Тетка в цветном:

— Ну, земля пухом (плюс к этому в интонации: «До свиданья», «Управляйтесь», «Я по-

шла. У меня смена», «Не дай Бог никому» и остальное на ваше усмотренье) — уходит куда шла.

Вздыхнув вслед тетке с той же интонацией, траурные собираются тоже куда шли.

Ход песни помогает Ане отстать от двери, подойти к ним.

Всегда хоть немного, но странно, когда подходит незнакомец, а уж если чудной незнакомец...

Аня — заикаясь:

— Простите... (все, за все) Вы... в церковь? (в другое село, на погребень, отправляетесь сейчас)... Мне... (мне так...)... Можно с вами?

Тетка и бабка переглядываются: видать, грехи исповедовать, да еще в гости к кому-то — с продуктами... Бабка:

— Деточка, да у нас видите что... А у вас на оборот... Как же вам с покойником ехать?

Тетка:

— А ведь по-другому как она доберется? Туда ниче не ходит. Попросить кого — все работают. Не пешком же...

* * *

Песня продолжается. Табличка «Яруга» всплывает в окно ритуального автобуса и в глаза потерявшегося ребенка — Аня смотрит в щель в занавесках.

Яруга — село, обстроченное оврагами, что твоя крепость. Похоже, сюда сбежали все деревья с окрестностей — здесь можно переплести жилистые, в почках, ветки с соседом. Из-за деревьев и выезжает в свое время церковь.

В автобусе начинается шевеленье.

Соседи, весь путь не знавшие, коситься на гроб или на Аню (выбиравшие, в конце концов, живое), теперь получают возможность отвлечься мелкими нужными движеньями от своего незнания, чем заниматься остальное время. Некоторые не в черном, просто в будничном.

Собственно, все, кто есть тут, это мужики, носящие гроб — вон они отдавливают плечи уже на улице. И пара-тройка стариков, неработающих — чтоб поучаствовать тоже.

Купола, тучи кажутся цвета асфальта; к колокольне слетаются птицы; а паперть отражает это в лужах. Несущим гроб приходится просчитывать путь, как тактику — чтоб не по воде, но и не зигзагами.

Песня на сей раз в оба уха. Аня случайно вспомнила: надо покрыть голову, — кое-как управляясь с пакетами, стаскивает с шеи шарф, чуть не стянув горло намертво, изображает, что шарф стал платком (волосы не верят).

В дверь видно курящийся полумрак — пора в него. Внутри он обтягивает всех и все. Но все равно хочется встать столбом в боковом приделе — там, хочется верить, не так обращаешь вниманье. Свечи стайками светлячков на восковых стеблях кучкуются себе в местах, строго определенных.

Наконец, в центре зала возлегла она — теперь уже без сомненья. Хотя лицо вождя краснокожих сменила. На луну — бледный круг в кратерах (то ли синяки, то ли неровности, создающие странные тени, то ли пятна), кажется, светит отраженным светом — тот просачивается из купола (пусть чуть-чуть), а она прям под ним.

И Аня от этой луны не может оторваться.

Хотя под луной есть еще, например, руки — одревенелые пальцы, меж них церковная бабка втискивает крест. Ей (бабке) хотели помочь покрыть мертвую покрывалом — она (бабка) отворчала эти попытки. Хоронящие мнутя с ноги на ногу.

Аню гипнотизирует лицо.

Появляется батюшка в поблескивающей рясе и в кедах. Начинается отпевание. Мы его не слышим — но плеер, как всегда, подобрал адекватное.

Служба тянется; Аня слоняется взглядом по всей церкви, как и другие, но тетка до конца, естественно, не отпускает. Соседи опять поглядывают на Аню. Батюшка периодически косится. А уж просвирня и продающая церковные предметы... эти могут даже пообсуждать.

Еще со всех стен, колон, потолка смотрят те — в канонических одеждах, определенных цветов, с одинакового цвета кожей, хотя в жизни у всех она разных коль не цветов, так оттенков... Но те даже нарисованными смотрят с другим смыслом. Кто-то пальцы сложил ее перекрестить. А кто-то с распятия мог бы сказать: «Терпишь? Я тоже (про себя: «Но дольше и больней»). Терпи». Только все они немые. Остальным они не расскажут, как надо бы, как не надо и надо ли смотреть на Аню.

* * *

Земля на кладбище сырая после дождя. Будь холм над ямой для тетки горой, она бы мучила все подножье грязевыми оползнями. Все ботинки стоят безнадежно, в ряд, почти замерев, облепленные, будто с них делают слепок.

Гроб спускают медленно, как старый грузовой лифт в шахту, веревки пачкаются.

Среди серьезных лиц над ним нет Ани. Ведь и предлога нет к ним присоединиться.

Аня сидит в отдалении, над другой могилой, на ржавой лавочке. Ноги, пакеты рядом с ногами, надгробье, могильный холм погрузились в листву — прошлогоднюю, позапрошлогоднюю, поза-поза... Пакеты шевелятся в такт. Пластмассовый грязный тюльпан воткнул в холм, не шевелится.

Гроб спустили. Гробокопатели мнутя. Одна бабка подумала было бросить горсточку мокрой земли. Да рука передумала за нее. Гробокопателям охота покурить.

Сквозь столбы нерешительных ног пробирается глюк-ребенок. Берет с холма горсточку грязи, стоит над краем ямы и смотрит, как грязь отделяется от пальцев (частично) и летит на гроб.

Потом гробокопатели таки берут лопаты. Вонзают в холм и — вперед. Остальные все стоят скульптурной группой «Погребенье» и следят, как земля шлепается вниз, на крышку — половинной, второй облепляя лопату.

Аня сидит, обнимаемая музыкой. В центре тюльпана (того, искусственного) — дождевая капля.

Потом гробокопатели, наконец, курят вовсю.

Бабка с теткой раздают всем кутью. Какой-то мужик отмахивается, ему, мол, хватит водки.

...Потом все — и Аня — подтягиваются к пятчатку перед церковью. Хоронящие — прямиком к автобусу. Продолжая пить по дороге. Аня как пришибленная, ближе к церкви. Кто-то из хоронящих бросает взгляд и на нее — никакой, ни подозрительный, ни усталый, ни любопытный, просто так... С другой стороны — батюшка и просвирия (эти, видать, рассчитывали на прихожанку). Наконец, Аня тоже топает к автобусу — не бросят же ее тут, наверно?

* * *

Мурашки по полю — там, где темным жуком пропыхтит автобус. В каком-то месте высаживает пассажиров, и группа распадается, не спеша, на отдельных людей.

Летим на музыку, вылавливаем нашего человека.

Оказываемся с ним и с музыкой перед домом — на пороге — в дверях — внутри — идем, наступая на отсвет от телека — на кухне — включить лампочку? — все равно. Аня сгружает пакеты на стол. И стоит над ними.

В центре скрипучей кухни, в недрах дома — кружится голова. Что-то выкатывается из пакета, по столу — на пол. Аня смотрит в окно сквозь растрепанные.

Потом передергивает плечами, идет обратно.

На улицу. Распахнуть дверь, а там все похоже на вечер. Шагнуть в него, как в коридор, в конце которого помещенье с электрическим стулом. Серые, выцветше-голубые, коричневые, потускневше-зеленые, с окнами цвета луж — все дома обтягивает одна тень от туч, один свет из дырок в тучах, одно состоянье, одно настроенье. Шебуршить траву, идя туда, где думала никогда больше не появляться.

Чем ближе к оврагу, тем напряженней все мышцы. И так уже выбрала самый долгий путь, обходной. Только музыка помогает идти дальше да и вообще хоть куда-то идти. За три шага до цели сжать губы; за один — зажмурить глаза.

И вот она — свалка. Открыть глаза и впитывать ее картинки.

Кочерга обнимается со сковородкой, два товарища, с одной коростой на двоих. В цветочном горшке и в кастрюле спит дождевая вода, в ней даже что-то зацвело. Таз пронзило чем-то вроде мутировавшей (увеличенной) спицы (впрочем, пробоина в нем наверняка была раньше). Гумбочка выпустила антенну, задавила мишку с оторванным глазом и вспоротым брюхом — птицы еще не всю вату стащили на гнезда. Трубы прошили все здесь зигзагами; куски, где на них мох и ржавчина, похожи на дохлых змей. Короче, можно нафотографировать на целую выставку современного искусства...

Аня ходит тут, озирается, почти не дышит. Ногам неустойчиво, на что ни наступи — и это напоминает день, когда ее перекроили... Иногда вдруг сожмется пружиной, замрет — дальше.

...Набредает на стол или шкаф (или ванну или даже кровать) — любую поверхность, где можно сесть.

Или даже лечь — через некоторое время — какой там неудобно... Валяться и привыкать к трухе и стружкам, которых сюда надуло; к воздуху, он теперь вместо пледа — когда вздумает намокнуть, с потолка предупредят — где еще так бывает? — к толпе престарелых скрипучих соседей, которые, впрочем, скрипят, лягают лишь на ветер; к тому из них твердому, вдавившемуся ей в кости, на котором она лежит: а уж свалила себя на кого-то — не жалуйся. Вот птицы к ней тоже привыкнут, будут топтаться по ней коготками, выклеивать стружки из маминого шмотья...

Но пока откуда ни возьмись подходит глюк-мутантик. Стоит над ней, как сегодня на похоронах. Глазастый. И уж наверно просто помолчать ему не дано, опять что-то надо?

— Почему мы лежим тут?

— Потому что мы — мусор.

Обдумал. И:

— Мусор не слушает музыку.

— Подышать, так с ней. Хочу и слушаю.
А ведь батарейки когда-нибудь кончатся...
— Тогда вставай и слушай дома.

Аня смотрит на эту трупного цвета рожицу — и внутри вместо болезненной черной дыры, которую так хотелось свести в ничто, зреет смутное нечто. А, как известно, раз хоть маломальское нечто есть, фиг два теперь удастся лежать тут ничем.

Как невыспавшийся больной, Аня собирает свое тело, поднимает, усаживает, привыкает сначала сидеть — труха успела к ней вполне привыкнуть (теперь пойдет с ней); птицы и не думали, шкрябают мебель на расстояньи, ждут, пока свалит; воздуху все равно. Потом Аня встает и, больше их не рассматривая, слушая плеер, шатаясь на неустойчивой рухляди в такт, уходит.

* * *

Световая дорожка в траве перед домом; поднимается по стенке (очерчивая доски четче) — к окну, это его квадрат светится. А под ним — в траве, на улице — кресло. В кресле мать, свет падает ей на руки, на вязанье, блестит в спицах. Вяжет что-то мелкое — пинетки, кажется. На коленях, на подлокотниках — журналы, руководства. Не помогают: нить то

путается, то рвется, мать то и дело шевелит губами что-то эмоциональное. Но не сдается: учење и труд...

Аня проходит в дом. Выключает плеер по пути к своей лестнице — должен же он когда-то отдыхать.

...В комнате тихо и сумрачно. Между досками пола спят серые катышки — в детстве казались мышами. Телевизор — вдали, как из колодца.

Аня садится на пол (на коленки), пододвигает рюкзак (был неподалеку, как вы понимаете). Выкладывает перед собой все важные предметы: плеер — осторожней всех; нож — из одежды, не из рюкзака, нагретый ее телом. А вот теперь — в рюкзак; потревожить там чью-то записку, вытаскивая маленький плоский предмет, завернутый в платок. Записка тоже — пнутым парашютистом — приземляется между досок, на ней (если любопытно): «А это очень больно?»

Развернуть платок: в нем был паспорт гражданки Российской Федерации — с лицом вождя краснокожих, впрочем, на фотке это не так видно. Положить рядом с ножом и плеером. И сидеть, как будто медитируя на эти вещи, ждать от них прозренья, что ли?

Снизу доносится скрип входной. Мать, продвигаясь по первому этажу:

— Вот мы почту не проверяем, а кто-то письмо прислал.

Ане все равно. На полу она чувствует себя (да и смотрится) ребенком, который считает, что комната — это мир, а только что найденные вещи напротив будут скоро ходить, разговаривать и т. д.

— Аньке.

Шаги приближаются к лестнице. Аня, удивившись письму и тому, что еще удивляется, встает. Идет к двери, к лестнице.

По нижним ступенькам прыгает свет (тот же, что в окне), на верхние сползают тишина, сумрачность комнаты. На середине мать и дочь встречаются. Мгновенный взгляд. Молча отдать/забрать письмо. И опять каждая — в свою сторону.

Сразу за порогом Аня вскрывает конверт.

Достает из него паспорт... Свеженький, никто из тех, у кого он хранился, не успевал к нему привыкнуть, как приходилось отдавать. Паспорт девочки, которой шло зваться Мелоди и прыгать из угла в угол комнаты, махая руками, трясая головой, кайфуя под Мэнсона или Раммштайн...

Еще в конверте какой-то лист. Достаем. И, пока глаза Ани, читая, полнятся электричеством, слышим голос:

— *Знаешь что?! Ты — куча мусора! Но в тебе вырос клевер. Чтоб ты сдохла, рожая его!*

Потом Аня скривляет губы (отчего выглядит почти ироничной лисой). Потом комкает этот лист. Потом выуживает с пола из досок записку, комкает с листом вместе. Кидает взгляд на паспорт тетки... Оставляет его лежать.

Выходит из комнаты.

Спускается на кухню. Это там горит лампочка. Возится мать, плюнув таки на вязанье. Помойное ведро вполне себе незаметно — мы бы, по крайней мере, не видели, не подойди туда Аня. Выбрасывает бумажный ком.

Мать:

— Ну, чего там?

Аня — опять с долей лисьего:

— Поэт какой-то. — Теперь задумывается и серьезнеет. — Ты горшок. В тебе помои. Вылей — посади цветы. — Выходит из кухни.

Читай по лицу матери: «Повсюду психи».

* * *

Снова музыка. Снова идем, не стоим. Как и положено, в школу.

Входим в тень холодно-голубого зданья, пусть и нечеткую из-за погоды. Видим: лестница перед входными дверями вся в осколках — коричневых, зеленых, прозрачных, горлышки бутылок, донышки, треугольники, про-

сто острое крошево. Ступеньки в чем-то липком, как облизаны. Над всем этим уборщица — швыряет тряпкой в стену в знак протеста. Косынка, рабочий халат цвета тряпки заходили складками.

Аня обнимает взглядом — уборщица оборачивается. И, видно, зная, что эта почти всегда с плеером, показывает жестом: в обход, туда, к безопасному входу.

Аня идет куда показали.

* * *

В школьном коридоре отключены батареи (давно), свет (как всегда до вечера) и звонки (об этом, впрочем, пока никто не знает; а нам с Аней вовсе не будет слышно). Посчитаем кроссовками плитку с другого конца. В разных точках по двое — по трое — толпами (если верить, что толпы — все что больше трех) — ученики (вот что значит одна школа на весь район). Какой-то чувак несется навстречу — похоже, забыл что-то дома. С трудом затормозил на скользкой плитке — слава Богу, музыка перекрыла звук. Аня к нему ближе всех, и он, заметив плеер, показывает на запястье руки: сколько времени. Анины плечи: «Не знаем», глаза: «Извини». Чувак стартует дальше.

Аня — пару шагов вперед.

На дальнем подоконнике четверо из сарайной компании, в том числе Катька, по старой детской памяти играют в сотки. Заметив Аню, Катька машет рукой, как знаменем. Остальные слегка поднимают ладонь за компанию.

* * *

На уроке, где все (отличники по крайней мере) дугой над учебником, Ане — записка. Судя по лицу, знакомого ненавистного содержания. Комкает и с глаз долой в карман: на пол бросать стыдно.

* * *

На другом уроке, где все (отличники) взглядом в доску — опять. Даже не хочет читать; но вдруг на сей раз о другом и важном? Голову лбом в ладони. К концу урока не выдержать, развернуть, прочесть... Зря.

* * *

Аня идет набирать воду, бутылка в опущенной левой вспотела от пальцев на горле.

Из туалета выходит одноклассница, тормозит ее в дверях. Жестом показывает, что пишет.

И вопросительный взгляд. Аня разводит руками, кроме бутылки в них ничего. Одноклассница увиливает в сторону.

Внутри — девчачье совещанье. Аня к раковине, открыть кран, подставить к нему бутылку, вода ожидаемо льется внутрь. А зеркало над раковиной отражает, что за спиной у ней одна девчонка нерешительно подносит к губам палец, обводя всех взглядом, показывает (деликатно, блин) этим взглядом на Аню. Другая — рукой и миной: «Забей»; пальцем на Аню, похлопать по уху, по горлу (в такт, а как же!). Разговор возобновляется. И больше в Аню ни взглядов, ни пальцев.

* * *

На физ-ре одна привычно сидит на бревне, следит, как физ-рой занимают птицы — маршируют по забору, планируют с крыши на крышу; муравьи — протаскивают тяжести где-то под бревном; и, наконец, люди.

Только физрук не хочет. Ему сейчас машет охранник, выйдя из распахнутого подвала (там теперь его пост), зазывает в гости, показывает (тоже жестом, ведь на расстоянии), что что-то началось — видно, что-то, чего они ждали. Физрук глазами пробежал стометровку. Врезался в Аню. Подходит, руки готовы отдать ей журнал и секундомер, поворот головы и взгляд просят присмотреть за балбесами.

Вообще-то не обязательно было всем превращаться в мимов — Аня, если постараться, могла б уже читать по губам. Но ладно.

Физрук убегает (ногами, как положено) к подвальной охранницкой.

Одноклассники, спустя время, по одному перебегают тень тучи. Аня стоит с краю с секундомером, заносит их результаты в журнал. Скорость разная, время разное, а все равно все в музыку. Все в музыке. Может, одним управляет бас, другим клавишные, ну и так далее? А ей, наверно, голос — и то, что она не двигается внешне, вовсе не значит, что все спокойно внутри.

Не так уж много желающих бегать в реальности. К Ане — делегация желающих бегать сразу в журнале. Руки показывают цифры, иногда для приличия складываются в мольбу — не в смысле «умоляем», конечно, тоже мне дело первой важности, но в смысле «пожалуйста».

Пробежавшие — и так, и так — спешат в раздевалку, в сарай, в магазин, списывать домашку, курить — в общем, жить дальше. Аня заносит последнюю цифру, закрывает журнал и — к подвалу.

Видно еще в двери: охранник, физрук и уборщица смотрят футбол, примостившись на дражном диване. За команду, как за своих сыновей: охранник, физрук учат жизни, матерят, если что, руки беспокойные, так что могли б и обнять, и силу применить, не будь экрана; уборщица ахает-охаёт, хватается за сердце, клонится к экрану все ближе, так что могла бы влезть в душу, тоже не будь экрана.

Аня незамеченной кладет журнал и секундомер на столик; мимо него физрук по-любому потом пройдет.

* * *

С утра под музыку в пижаме привычный заход к матери.

Та три готовых наряда на кровати выложила в ряд. Сама перед зеркалом: седой волос увидела или морщинку, или прыщ, или что еще можно увидеть — вообще незнакомое после ночи лицо? А потом замечает и Аню — в зеркале — наяву. Изображает сладкий сон, вопросительно вскидывает подбородок. Аня бровью: «Че это ты вдруг?» Мать пожимает плечами. Отвернулась было, но с хитрой улыбкой, руками показывает увеличение груди, потом опять вопрос подбородком, указывая на нее. Аня — плечами, лицом, вжавшейся грудью, растерянными ладонями, всем телом: «Не знаю и знать не хочу. О какой же фигне ты думаешь, мама, если б ты знала!» Потом Аня тянется к тому, во что одевалась вчера, чтоб поскорей ретироваться. Мать качает головой, показывает: это — ей, а тебе... тебе... наверно... все же это... что скажешь?

Аня сгребает шмотье в кучу, ускальзывает к себе.

* * *

Теперь вместо музыки — гул, визг механизмов, скрежет их застарелых зубов, sireны периодически. По крайней мере даже не зная, что выпускает завод, кроме дыма и оглушенья, сразу поймешь, что он не заглох, как коллеги, он батрачит вполне себе.

Света каждому ровно столько, сколько от этого каждого зависит результат.

Ближе к концу смены мать бредет по галерее. Под ней, за перилами завораживающее копошенье — но она не смотрит. Она обнимает себя руками, как будто ей холодно или больше некого обнимать, или некому ее (родовой жест, наследственный); рабочий халат висит, как плащ, на плечах; а лицо в зависимости от светотени то молодое и грустное, то совсем старое без эмо-

ций. Переводит руки в карманы. Правая что-то нащупывает. Достает — записка, комочком. Распрямляет. *«Ну скажи! Чего тебе стоит? Правда, что от одного раза ничо не будет?»* Мать, как все люди, трактует все в меру личной испорченности. Подумав-подумав, она при случае выкидывает смятый еще больше, обкатанный, спрессованный в пальцах комок в мусорное ведро (или бак, или контейнер, или что там у них).

* * *

Ане кажется, что под бешено-быстрый момент песни она в своей школе в бумажном смерче. Или в рое бумажных ос; отмахиваться от них — только хуже сделаешь; стоять смиренно терпеть — а им все равно. Коридор или класс либо пуст, либо пустеет, когда у нее начинаются глюки. Некоторые записки она комкает по карманам (всем, какие найдет), некоторые — в раковину, в ведро, в щели всякие, а на некоторых так пишет пару слов.

На самом деле весь смерч или рой склеивается в одно большое письмо. Оно было сложено закрытым веером. Аня получила его среди биологии и не представляет, как прочесть его целиком (если вообще читать).

Поэтому отводит взгляд к какому-нибудь пособию с какой-нибудь рыбой в разрезе.

Потом на фон рыбы наплывает биологичка. Смотрит на Аню таким взглядом, что в забитом автобусе означал бы: надо извиниться, видать, отдавила ей ногу, не заметила. А еще, как ни странно, как будто у Ани какая-то шмотка-шпилька-бирюлька, которой можно позавидовать и хочется стащить себе — тут Аня со всей силы отрубает интуицию, потому как после тетки... нет-нет-нет, она юная, неопытная, нелюбопытная, хватит с нее!

* * *

Вымыть доску в классе.

* * *

Вымыть посуду дома.

* * *

Полить цветы в классе.

* * *

Исписать весь черновик, честно пытаясь решить контрольную. Музыка алгебре не помеха.

Ручка кончилась — полезть за новой в рюкзак, а достать вместе с ручкой письмо-веер. Отпихнуть его куда-нибудь в сторону, пока что (попадает в тетрадь для контрольных, открытую на первой попавшейся).

* * *

Охранник опять на бревне, несмотря на ненадежную погоду (в воздух подмешали пару капель тумана). На колене — толстая хозяйственная книжка, на книжке — четверть колбасы, сырокопченной, в колбасе застрял ржавый нож, в колбасе же — вилка, которой охранник пытается оттапать-таки мало-мальски приличный кус. На второе колено уложила морду собаки, большую (с целого кролика где-то), глаза просят милостыни, облизывается периодически. Вилка явно собралась застрять, как предшественник, или вовсе сломаться. Пока охранник на это соответствующе реагирует, подходит Аня. Достает (будто из пуза) нож, протягивает (лезвием к себе, вежливо). Охранник поперхнулся; собака вроде не рычит, одалила помощницу тоскливым взглядом. Отрезать, вытереть о страницы хозяйственной книжки. Отдать, с глазами ежика в тумане, кивнуть «Спасибо».

* * *

Без музыки и без Ани заглянем в кабинет биологички. Вечер в журнальном, тетрадном, книжном, календарном местечке; вечер просто завален бумагами (и скотчем, и пишущими предметами, и скрепками, и... и...).

Биологичка поправляет прическу и, вздохнув, продолжает проверять контрольные.

Тут из них выпархивает веер. Верней, не из них — биологичка прекрасно видела, из чьей. Подбирает его.

На ребре видно/а мы слышим Аниным голосом: *«Пожалуйста, пиши о своем извращенстве кому-то другому»*.

Осторожно ногтями раскрыть веер. И есть поудобней, читать его.

* * *

Музыка, очередная физ-ра.

Танцы с мячом под вспотевшим небом. Раскаленные ноги, руки, лица. Мелькают, скачут, изворачиваются. Что это за игра на самом деле, Ане мало дела. А физрук просто вдохновился просмотренным матчем: жестикулирует, командует (дирижирует).

Островки подорожника протянулись архипелагом к бревну. Один срывает Машка — тоже сегодня на бревне. Еще у нее есть квадратик-зеркало, в нем рассматривает свое ухо. Еще — небольшая бутылка чего-то прозрачного без этикетки. Намочить из нее подорожник, протереть уши. Достать булавку, ее тоже протереть. И сидеть, проделывать в ухе дырку... Почему-то не получается.

Обратиться к Ане — как всегда, взглядом-жестами.

Та помогает, спокойно, задумчиво выбирая точку и протыкая ее, пока Машка морщится.

Тем временем к ним ковыляет охранник. Заметили уже когда доковылял.

Охранник: тебе — показать на Аню, надо идти к — показать на школу, биологичке — раскрыть иллюзорную книжку, раскрыть над ней глаза и рот, прикрыть рот пальцами смущенно, второй удерживая «книжку», нарисовать сердечко в воздухе.

«Не к добру» — похоже, думает Аня. «Но впрочем и зло там будет вряд ли». Кивает, встает, уходит.

* * *

В коридоре, ведущем в том числе к биологичке (в кабинет), ноги замедляются сами собой, даже им неохота. Глаза цепляются за окно; подтягивают к нему и все тело.

Во дворе под окном младшеклашки что-то затевают с кирпичом. С целым кирпичом, похоже, не получится, но на их радость откололся кусочек. Скинулись, выбрали воду, вода взял этот кусочек, все — наизготовку. И — лети, кирпич, в окно — вокалист как раз что-то крикнул; на стекле появилась сосудистая звезда. Вдоль по лучику, за рамки, из поля зренья младшеклашки сваливают. А вода, пухленький и, верно, невезучий, на вернулся на остатке кирпича. Поднявшись, видит Аню. Кусочек окна отвалился ей под ноги; раньше стекло (хоть должно быть прозрачным) скрывало, что кто-то за ним есть. Теперь мальчик складывает руки в молитву — и это уже не «пожалуйста», как на физ-ре. Аня показывает, что закрыла губы на молнию и — вали быстрее. Он и так сваливает.

Кабинет биологички махнул дверью. Хозяйка — на Аню и окно, на окно, на Аню, на окно — строчит шаги к ним. Зашевелила губами.

Аня отключает плеер, вынимает наушники, начинает обматывать ими кассетник.

Биологичка:

— Вынь бананы из ушей, хамка! (Аня как раз думает, можно ли влоборота, чтоб убрать пле-

ер в рюкзак; но оставляет в руках) Думаешь, тебе теперь все можно?! (Интересно, все — это что?) Только детей нагуливать и можешь. А головой поработать не пробовала?

Аню точно швырнули к столу в день рождения отца, когда кто-то спросил, как жизнь... Между ней и биологичкой дрожит воздух. В то же время Аня видит: дрожит он не только из-за нее — из-за биологички не меньше. Губы, например, у той тонкие, ходуном ходят... Еще часть окна отвалилась.

Аня (тихо):

— Вам что, завидно?

С недругом на одном серфе в цунами — и невозможно, и ощущение, наверняка, схожи (были бы). Задыхающейся рыбой биологичка подходит к ней... не зная, бить по лицу или словом... в итоге вцепляется в плеер — Аня не ожидала того — плеер летит в окно (как раз в образовавшуюся дырку). А этаж-то не первый...

Об асфальт — насмерть; кнопки, пара деталей — вправо, проводки, кассета, треснув — влево, пленкой зацепившись за то, где была при жизни.

Слышно стук сердца. Это Аня — шаг к окну. Биологичка наоборот — каракатицей, каракатицей, к себе в кабинет, как будто собралась оттуда звонить в службу спасения. Анино сердце — взбесившаяся электричка. В глазах видно, как оно(а) трясется, уносясь. Аня просто стоит над окном, смотрит вниз: дребезги плеера больше не двигаются. Не чувствует, что вниз же и тянется — животом. Вжать в подоконник вывернутые ладони, остановив тем движение вниз. На подоконнике — стеклянная пыль.

Когда биологичка собралась уж нырнуть в кабинет... что-то ее разворачивает...

Видно, чтоб увидела: Аня достала нож. И на вибрирующих ногах идет к ней.

* * *

Все, что видим, засасывает в темноту — с углов, будто кто-то поджег их, а на центр бросает свою тень... Готово. Кромешная.

Голос Аниного ребенка:

— Ну что, выкидыш?

Голос Ани:

— Ты меня спрашиваешь? Отвали.

* * *

Зажигается лампочка — с тихим звоном; настолько вокруг беззвучно, что мать поежилась, включив и косясь на светящуюся грушу.

— Сережа...? — У самой получается на грани шепота.

Телека не слышно. Храпа тоже.

— Аня...?

В другой комнате босые девчачьи ступни переступили с одной на другую.

Мать, с трудом не задерживая дыхание, оставляет прям у двери свою сумку, идет вглубь дома. Обязательно зажигая свет по пути.

Босые ступни по сумраку ей навстречу.

Середина.

Мать зажигает свет. И теряет-таки дыхание — на минуту.

В дверном проеме Аня — руки-ноги-живот на месте, платье чистое, волосы тоже, босая разве что; а в руке нож.

Мать не замечает, что тянется назад. Как за ремешок к позвонкам прицепленная.

Аня:

— Я картошку чищу. Будешь?

...Мать проходит за Аней на кухню — самую обычную кухню, все на месте, все там, где было с утра. И закат сочится по поварешкам. Это привлекает взгляд мамы к окну.

А там видно, как закат струится по спине и рукам отца, с топором, рубящего дрова. То и дело останавливается, хватается за спину и придерживает, чтоб не отвалилась. Дышит по-собачьи.

Это так неправдоподобно, что мать не может понять, зашла ли она не в тот дом или вернулась в свой после очень долгой отлучки.

* * *

По школьному коридору тоже расползся закат — по стершемуся паркету, по окнам. То, которое подверглось нападению, затянули полиэтиленом, как в машинах с выбитыми. Теперь оно шуршит привиденьем, будет долго, небось, развлекать младшеклашек.

Уборщица, домыв пол до первой двери, решает зайти в эту дверь — все двери ей распахнуты — чтоб по пути помыть там.

А там — кабинет биологички. На полу в лучах заката — зарезанная, с отрубленными клочками рядом — книжка.

Уборщица ставит швабру у двери, проходит, подбирает все видимые части книжки — ага, биологичкин любовный роман — соображает, подлежит ли склеиванию.

Тут краем глаза ловит на улице силуэт, грустный, удаляющийся. Уже почти выходящий из школы.

Берется открыть окно — то плевать хотело, что его хотят открыть, оно старое, ему лень двигаться. Наконец, поддалось. Уборщица высовывается в распахнутое. В левой придерживает книжку.

Силуэт, женский, в пальто, уже за воротами.

Уборщица — как можно громче:

— Ваааля!

Вжих — летим догнать силуэт. Тот обернулся на крик, оказавшись биологичкой. Она не (отноюдь не) внимательно смывала следы того, что плакала; так что, приглядевшись, под глазами — остатки тушевых слез, вся помада обкусана, но губы оттого налиты кровью до сих пор. Без косметики кажется младше, чем мы привыкли.

А уборщица между тем призадумалась: чего, собственно, она должна спросить? Наконец, просто поднимает руку с романом — не зная, видно ли его Вале.

Та чертит усталым взглядом треугольник: уборщица — ее левая — земля под ногами — уборщица. А потом слабо машет рукой: до свиданья. Не торопясь, осторожно вдыхая весну и закат, уходит.

* * *

Утром в кои-то веки солнце крадется меж домов. Их бревна недоверчиво хмурятся (линии, годовые кольца вместо морщин). Воробьи прыгают с нижней перекладины забора в песок, на обочине дороги, копошатся в нем. Не боятся, когда неподалеку появляются кроссовки.

Аня идет с пакетом, шуршащим, пустым. Выходной. Глаза ловят блики с окон, заглядывают в просвет меж домов — солнце? — напитываются лучами.

Шагая дальше, Аня начинает петь. Сначала под нос, потом с каждым шагом громче. Что-то из своих любимых, естественно.

* * *

Стоя в очереди в магазине, продолжает петь в полный голос.

Очередь ерзает, бегаёт глазами.

Лампочка там в плафоне перегорела, пришлось разязвить дверь, и вся очередь в световом прямоугольнике.

С улицы, из-за двери настороженно высунулось лицо. Послушало Аню. Нашло взглядом Аню. Убралось обратно.

* * *

Сидя на подоконнике в своей комнате, изучая вид из окна при солнечной погоде, все еще поет. Крыши, антенны, трубы печей загорают.

В боковое зрение попадает что-то трупного цвета. Переводит взгляд, продолжая петь чуть тише.

Глюк-мутантик сложил неуклюжие пальцы в козу и корчит кайфующего на концерте. Аня замолкает. Ребенок дрыгается еще раз по инерции и прекращает тоже. Замечает ее.

Аня (вот уж не ожидала) после паузы:

— Тебе что, нравилось, что я слушала?

Ребенок (о само собой разумеющемся):

— Как тебе.

Ане остается только хмыкнуть.

* * *

В конце концов у нее еще есть магнитофон. Он звучит полдня. А хозяйка, танцуя (насколько это возможно; как минимум, голова, ноги, руки вполне могут себе позволить хорошее настроенье), перекручивает всю комнату, как в блендере. Ведь под кроватью, на шкафу всякие детские вещи, ненужные сто лет в обед. Выгребает и в несколько заходов относит их на свалку. Не выключая при этом магнитофон. А возвращаясь очередной раз, делая громче.

Наконец, взлет песни слышит уже и поле, окружившее горсть их домов, и небо, обложившее со своей стороны.

И дорога. И легковушка, притормозившая тут. И внутри — супружеская чета.

Жена:

— А ты говорил: ни души, ни души... Ни намека на цивилизацию...

Аня теперь еще и подпевает. Комнате остались последние штрихи.

Дверь энергично раззвывают — мать. Рука так и повисает на ручке. Появившись в гостях в не очень знакомой комнате, надо бы что-то сказать. Но что?

Аня, встретившись с ней взглядом, выходит с последней небольшой порцией к свалке.

* * *

Свалка тоже пригrelась под солнцем. Вся рухлядь посыпана почему-то песком — и тут воробьи постарались?

Аня выходит из-за здорового шкафа, уже со свободными руками. Ветер слегка включил фен — по волосам.

За очередным углом что-то привлекает внимание. Подойти к углу, остановиться. И рассматривать.

Прислонена к холодильнику, почти без песка, целехонькая, хоть и с одной струной — гитара.

Уголки губ Ани не знают, можно ли им улыбнуться, разрешено ли. И вообще Аня что-то там решает, мнется.

Но в конце концов забирает однострунную домой.

* * *

— И че ты с ней будешь делать? Ты умеешь че-нибудь с ней делать? — Это Машка.

Они втроем сидят у самой школьной стены. Почему-то второй день уже солнечно. Почему-то Машка не дымит. Аня в центре, она пожимает плечами. А Катька развалилась, как в шезлонге, руки за голову.

— А может она в город свалит, — Катька как всегда позитивно, — как в кино. Музыкантить в каком-нибудь баре, так? — Сама не знает, зачем говорит, так что не понятно, ирония это, мечты или что. — Там попадет в группу, ну и слава, все такое...

Одна усмехается, вторая крутит пальцем у виска — но не злобно, сегодня все дружелюбные.

Машка запускает руку в рюкзак и выуживает оттуда тархун, большую бутылку. Жестом предложить всем. И у Кати, и у Ани свои ассоциации. Но это (ассоциации) ничего не значит.

Машка пьет первая. Потом Катька на радостях выхватывает бутылку, утаскивает к себе, «в шезлонг».

Переводя глаза от нее напротив, Аня видит: мутантик сидит на траве, похоже, нежась на солнышке.

Аня — не раскрывая рта (но и мы, и глюк уже и так ее слышим):

— Ты что, не будешь против?

Глюк — тоже не раскрывая рта (потому как зачем, раз слышно и так):

— Ты все равно меня скоро грохнешь. Перед смертью можно и попробовать.

Ане передают бутылку. И она с чистой совестью (но не спеша на всякий пожарный) отпивает пару глотков. Ребенок поднимает из травы незамеченную до того мензурку, наполняющуюся тархуном по мере Аниных глотков. Увидев это, Аня оторвалась от бутылки.

Глядят друг на друга и, может, о чем-то говорят, но никому (и нам) больше не слышно. Не доверчивое перемирие; шуршат, передвигаясь друг к другу ближе, не зная, следить за другим, чтоб не устроил подвох, или поддаться смущению, искать на траве под собой божьих коровок. В итоге — пьют на брудершафт.

А мы отрываемся от земли, скользим выше по школьной стене. Там над нашей компани-

ей — окно с полиэтиленом, улица дует ему в рану, в этот полиэтилен. А над этим окном другое — с надписями. Первая, исцарапанная, но живая: «*Меня вчера изнасиловали*». Вторая, постаревшая, но тоже держится: «*Поздравляем*». И третья, недавно рожденная: «*И вам того же*».

* * *

Поле отраживает потихоньку зеленые, желтые, сероватые волосы. Теперь тут можно вить гнезда, выползать из нор, идти до дома насквозь, а не по дороге. Гладить зеленые, желтые, сероватые пальцами. Перебирать, как струны. Исследовать взглядом, что тут изменилось за зиму, пока никто не видел. Землетрясений, конечно, не было — но не может же меняться здесь лишь она...

В зеленом, желтом, сероватом лежит их сосед, на животе. Смотрит в бинокль куда-то на дорогу. Наверно, его борода и волосы за зиму отросли еще. Поворачивает их к ней, подметая-смешивая с зелеными, желтыми, сероватыми. Только тут отводит бинокль от глаз.

— Анечка? Здравствуй.

— Здравсте.

— А я вот хотел с тобой поговорить, а ты че-то не слышишь все и не слышишь...

Аня смотрит, молчит; шорохи.

— Я подумал потому что: вот ты теперь, это, ну, вроде как взрослый у нас человек. Тебе бы продали, наверно — ты помнишь, я рассказывал как-то раз — к...коньяк. Такая фиговина, попробовать бы, в магазинах, наверно, бывает...

Аня:

— Эм... Наверно, беременной не продадут...?

На сем сосед вздыхает горько-горько, сжимает губы, смотрит на нее взглядом Бобика, с которым не пойдут гулять, как ему показалось, укладывает голову перед собой, подбородком на сложенные руки.

Аня, конечно, домой.

* * *

Отец зашторил окна, устроил эффект кинотеатра. Хрустит солеными огурцами, склоняясь над банкой — банка отражает рекламу и новости, чрезвычайное происшествие и час суда, возвращение Мухтара 25 и суд идет... В общем, когда заглядывает Аня, банка отражает рекламу.

Отец, повернувшись к ней, приподнимая банку:

— Хм? («Будешь?»)

Аня — головой, полуулыбкой: Нет, спасибо. Тогда отец смотрит в экран.

Там довольная тетенька катит по магазину тележку, полную продуктов.

— Слышь, Анька, — та, уйдя было, полубочрачивается в двери. — А ведь надо бы для малявки коляску купить... как считаешь?

Аня прячет глаза, отвернувшись теперь в профиль. Так как отец больше не говорит, она, постояв для приличия, собирается уходить.

— Ах да: там тебе письмо...

Там — это видимо (судя по недоделанному жесту) на кухне.

Пойти туда.

Ага, на столе. Забрать конверт, понять по адресу, кто это — помрачнеть от этого. Вскрывает; первый вырывается лист. Читает знакомый почерк/мы слышим знакомый голос: «*Моему цветочку*».

Аня — как будто тетка слышит — полуухмыльнувшись:

— Пошлятина.

А потом глаза удивляются, на растерянном лице, чистые, на чистом, раскрывшиеся до того, чтоб ресницы касались бровей: в конверте — деньги, под завязку.

Сперва пальцы даже боятся их вытащить — сибирская язва мерещится, не иначе. А вытащив, так и держат, замерев, почти минуту.

* * *

Электричка барабанит свой степ хоть и бездумно, но не занудно, почти даже весело. Аня у окна, в распускающихся, зеленеющих тенях; бегущих по этим краям, как положено, в это время года. Ноги отдыхают, вытянувшись, на скамейке напротив. Рядом (с ней и с ногами) опять никого; впрочем, свободных мест опять достаточно. На других сидят скрюченные фигуры в неярких одеждах, в основном. Ты-дыхх; ты-дыхх; ты-дыхх...

* * *

И снова, товарищи, мы слушаем музыку. Может, свежайший альбом Раммштайн или Мэнсона, которого раньше у Ани не было. А если был, то что-то еще, что могли бы порекомендовать их фанам в магазине.

Дверь магазина на улицу сладко потягивается. Аня выходит, в большущих чебурашковых наушниках, катя перед собой тележку. Простая тележка, решетчатая, магазинная; на дне скоткан плащ (или куртка) — ведь солнце все не гаснет; Аня в папиной футболке, соседкиных

джинсах (висящих смешно); на плаще (куртке) — стопка дисков (или две), небольшой проигрыватель и, может, еще самоучитель по гитаре.

Подняв лицо к чижу, прочертившему линию над магазином, над ней и дальше, Аня осторожно сначала поднимает уголки губ — и, наконец, улыбается не наполовину, а всем лицом, с глазами, с острым носом, детской улыбкой.

Оборачивается лицом к магазину. К темному теплomu воздуху внутри. Машет рукой продавцу. Тот — в ответ.

И идет по городу, тележка вздрагивает на асфальте в такт. Кроссовки в такт скользят, сами собой не попадаясь ни в одну колдобину. Улыбка вроде не пропадает.

* * *

На обратном пути по вагону переваливается дед с гармошкой. И с косметичкой (одолженной у его бабки) для милостыни. Руки по кнопкам и с веером мехов вполне подстроились под Рамштайн или Мэнсона.

Аня опять уложила ноги напротив. Рядом с ногами — тележка; и, видимо, кому-то она кажется коляской с ребенком, потому что подглядывают за Аней если не уважительно, то хотя бы не раздраженно.

Когда дед поравнялся с ней, Аня тянется через всю скамейку и кидает в косметичку всю свою сдачу.

* * *

Над дорогой к деревне распустились сочные тучи, небо в просветах густое. Поле волнуется в такт. Дорога пылит.

А улыбка почему-то не пропадает.

Тележка перед Аней, должно быть, шуршит бесконечным песком под колесами.

Музыку мы с вами будем слышать до конца даже там, где ее не должно быть.

Знакомый беременный силуэт, везущий что-то перед собой (коляску купили, что ли?) видно в бинокль. Сосед в своей любимой позе не чувствует, что в бороду вплелись травинки и репей. Переводит бинокль в другую точку. Он любит так взглядом гулять, чем дальше — тем лучше.

По дороге, пересекающей их дорогу, трясется фургон, здоровый и в длину, и в ширину. Прикидывает, включать ли фары в дождь, а то что-то тучи...

А в отдаленки, которое будет отдалением не долго, ребенок-мутантик выходит из поля на дорогу. Довольно твердо держась на ногах для такого существа, крошечного и, небось, нездорового. У него хитрая, лисья улыбка. А глаза (сколько б их ни было) блестят спокойно. Становится на дороге, ждет грузовик.

Вскоре тот появляется, содрогаясь, и прет, не сбавляя хода. Колеса, впрочем, очень хотят увильнуть, заблудиться где-то в поле.

Проносится сквозь ребенка... Нет, не проносится. Долетает до этого места и взрывается рыже-серым здоровым грибом. Это рыжее, серое отсвечивает на песке, на колосьях, на тучах. Колеса исполнили свою мечту. Как минимум, одно улетело в поле, укатилось там так далеко, что, возможно, его не найдут никогда. В оседающей пыли фургон бухает в песок тяжелой грудью. Потому что нечему его держать: взорвалась кабина водителей. И пока она расплзается в обугленное, бесформенное, вокруг начинает проясняться. Ничего похожего на людей или бывших людей там нет.

Единственный свидетель, раскрыв рот, отводит на время бинокль. И видит, что ничего похожего на катастрофу без бинокля не видно. Как ни вглядывайся в то место. А ведь это совсем близко.

Аня идет себе, ничего не видела. Музыка поддерживает улыбку на лице. Домой.

Рисунок Маргариты Урчевой